

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ

Кафедра философии и теологии

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ «ЛИТУРГИЧЕСКОГО КАНОНА»
СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Диссертация на соискание академической степени магистра

**магистранта
очной формы обучения
направления подготовки 48.04.01 Теология
III курса группы 87001010
Гинкель Александра Владимировича**

Научный руководитель:
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
философии и теологии НИУ
БелГУ Почепцов С.С.

Рецензент:
доктор филологических
наук, профессор кафедры
гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
Белгородского юридического
института МВД России
Колесников С.А.

Белгород 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ КАК ОСНОВА ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ.....	8
1.1. Ветхозаветная и синагогальная традиция чтения Священных Текстов.....	8
1.2. Формирование и согласование ветхозаветных и новозаветных Писаний в ранне-христианской Церкви.....	20
1.3. Деление библейского текста на «отрывки» для чтения.....	36
ГЛАВА II. БОГОСЛУЖЕБНАЯ ЛЕКЦИОНАРНАЯ СИСТЕМА В ЭПОХУ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ.....	47
2.1. IV век – составление «канонических» сборников.....	47
2.2. Святитель Иоанн Златоуст и V век.....	69
2.3. VI–VII века – развитие «лекционной системы».....	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	117
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	120

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в современной совместной позиции Русской Православной Церкви и государства по вопросу религиозного образования и духовной безопасности русских православных людей. А так как и первое, и второе всецело строится на знании людьми основ православной веры, которые, в свою очередь, содержатся в Библии, - то следовательно, вопрос историчности Священного Писания и его богослужебного употребления всегда является интересным и актуальным. Особенно для тех православных христиан, кто не только формально считает себя верующим, но активно принимает участие в богослужении.

Степень разработанности данной темы сравнительно невелика, хотя и можно выделить ряд авторов, касавшихся ее в своих работах.

Словосочетание «литургический канон» уже использовалось в православной богословской литературе. Первый раз – в начале XX века, в работе свящ. А.Е. Жураковского «Литургический канон теперь и прежде»¹. Этим термином он называл «канон евхаристический» или «анафору», составляющую «сердце» литургии. Второй раз этот термин использовался в начале XXI века, в кандидатской диссертации диак. В.В. Василика «Происхождение канона как литургического жанра»². В этой работе понятие «литургического канона» было усваиваемо песенному виду гимнографии, используемому за богослужением с именем «трипеснец» или «канон».

В данной работе понятием «литургический канон» обозначается богослужебное чтение Священного Писания в той форме и системе, в которой оно совершается на литургии.

Многие протестантские ученые библеисты занимались проблемой канонизации Священных Книг Нового Завета. Среди наиболее добросовестных работ следует выделить исследование проф. Б.М. Мецгера

¹ Жураковский А.Е., свящ. Литургический канон теперь и прежде: (К вопросу о церковной реформе). – М.: Братство во имя новомучеников и исповедников российских, 2005. – 63 с.

² Василик В.В., диак. Происхождение канона как литургического жанра: Курсовая работа. – С-Пб.: СПбДА, 2006. – 368 с.

«Канон Нового Завета»¹, ставшее практически учебником во многих духовных семинариях Русской Православной Церкви. В этой книге затрагивается и разбирается множество вопросов, касающихся составления новозаветного «канона» Священного Писания, но практически не учитывается один очень, как кажется, важный фактор, определявший включение той или иной книги в канонический сборник – ее литургическое употребление Церковью. Этот критерий протестантские исследователи ставят на последнее место в ряду факторов, влиявших на составление «канона», либо вообще исключают его за малозначительностью.

Однако Православная Церковь всегда рассматривала «Писания Апостолов» прежде всего, как тексты литургические, не отделяемые от «общественного собрания» верующих, являвшиеся источником вероучения только в свете Священного Предания и евхаристического общения. Такое отношение к Священному Писанию было в Церкви всегда, оно воспринималось больше молитвенно, чем дидактически (по крайней мере в древней Церкви), что и будет показано в данной работе. Свящ. Павел Флоренский очень точно отметил отношение, с каким Православная Церковь использует *свое* Писание: «Послания Апостольские и Святое Евангелие мы склонны считать за книгу. Но Святое Евангелие и Послания святых Апостолов *не* «книги», а моменты литургического Действа, части Богослужения. Здесь они имеют отнюдь не просто повествовательное или просто назидательное значение, но гораздо большее – *действенное*, таинственное. Подобно тому, и «книги» Ветхого Завета: они должны читаться лишь молитвенно, то есть действительно, литургически, а не пассивно, умственно, теоретически... Собственно, и читать-то Священное Писание нельзя *не* богослужебно, не молитвенно, *вне* Богослужения, отвлеченно от него, ибо это значит – омирщать его, хотя бы оно и очень нравилось, подобно тому, как нельзя одевать на улице фелонь потому только, что это одеяние

¹ Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – 331 с.

красиво, ибо такой способ действовать был бы омирщением священных одежд»¹.

Проблема исследования заключается в следующем: в современной богословской науке нет практически цельного исследования по вопросу формирования «лекционария», который используется в богослужебной традиции Русской Православной Церкви. В основном все, кто занимался историей литургики или текстологии, касались этого вопроса или бегло, или же в рамках рассматриваемого ими периода. Из работ, посвятивших этой теме значительную часть внимания, следует выделить докторскую диссертацию проф. М. Скабаллановича «Толковый Типикон»², в которой он достаточно подробно рассматривает богослужебное чтение Священного Писания до VI в., а также работу А.А. Алексеева «Текстология Славянской Библии»³, в которой производится общий разбор славянских «лекционарных» текстов.

Большинство авторов, писавших о православной литургии, основное внимание и акценты уделяют ее главной части – Евхаристии. Однако обходить молчанием чтение Священного Писания на литургии больше нельзя, так как данный аспект не менее важен в богослужении и является «первым шагом» верующего христианина в его приближении к приобщению Тела Христова. Поэтому эта тема нуждается как в историческом исследовании, так и в богословской оценке, которым и посвящена данная работа.

Объект работы – канон Священного Писания Православной Церкви.

Предмет исследования – история формирования литургического канона в Православной традиции.

Богослужение Православной Церкви по большей части своей состоит из псалмов, чтений и стихов, взятых из Священного Писания – Библии. Таким образом, содержание богослужения и даже его форма имеет глубокую

¹ Флоренский П., свящ. Культ, религия и культура // Богословские труды, № 17, 1997. – с. 113-114

² Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – 815 с.

³ Алексеев А.А. Текстология Славянской Библии. – С-Пб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 254 с.

древнюю связь не только с самими Апостолами, но и ветхозаветными пророками – авторами Священных Книг. Уже несколько тысячелетий люди молятся Богу одними молитвами, сакральные строки которых находятся на страницах Библии.

Более того, первая часть литургии, называемая ныне «литургией оглашенных», в древности имела иное название – «литургия слова», так как главной ее составляющей является чтение Писания - «слова Божия», и проповедь - экзегеза (толкование) его «словом человеческим». Проследить историю развития первой части литургии, и, в частности, самого чтения Священного Писания на ней, - в этом главная **цель** данной работы.

Для ее осуществления необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть богослужбное употребление Священного Писания в Ветхом Завете – как храмовую, так и синагогальную традицию чтения;
- проследить развитие канонизации «новозаветных» писаний в контексте их литургического употребления;
- разобраться в принципах деления Текста на отрывки для чтения – «перикопы»;
- исследовать хронологию развития и составления «лекционария» - богослужбного сборника Священных Текстов.

Границы исследования: в виду ограничения объема данной работы, автор рассмотрел историю формирования «литургического канона» Священных Книг, начиная с момента их написания – ок. 1,5 тыс. лет до Р.Х., и завершил VII веком по Р.Х. – временем, к которому были сформированы не только принципы богослужбного чтения Книг Библии, но и составлены первые «лекционарии» - сборники отрывков для чтения, а также закреплены уставные особенности практического характера, связанные с литургическим употреблением Священного Писания.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, касавшихся предметов библеистики и литургики, кроме упомянутых выше, таких как Арранц М., диак. В. Василик,

Дмитриевский А.А., прот. А. Иванов, прот. С. Кекелидзе, Красносельцев Н., Мансветов И., Пентковский А.М., архим. Порфирий (Успенский), Смирнов Ф., прот. А. Сорокин, Успенский Н.Д., Федоров В., протопр. А. Шмеман и других.

Методологическая база исследования строится на совокупности методов исторического познания: 1) Источниковедческий метод, позволяющий выявить и проанализировать фактологическую базу исследования; 2) Метод историко-сравнительного анализа, дающий возможность выявить сущность событий или явлений, их сходства, отличия, временные особенности; 3) Историко-типологический метод, способствующий упорядочению различных исторических форм и проявлений объекта, структуризации его характеристик.

Источниковедческую базу исследования составили Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Библия в Синодальном переводе), Книга Правил, Собрание древних литургий, а также патристические писания раннехристианского периода. Кроме того, в исследовании автор использует два древних «лекционария»: «Компиляцию» трех армянских лекционаров V века (Иерусалимская рук. № 121, Парижская рук. № 44, Ереванская рук. № 985), составленную и изданную В. Федоровым, и «Иерусалимский канонарь VII в.» (Грузинская версия), переведенный на русский язык и изданный прот. Корн.С. Кекелидзе.

Научно-практическая значимость исследования: данная работа может быть применима в качестве учебного пособия как по предметам «библеистики», так и по предмету «литургическое богословие».

Апробация результатов исследования: будучи преподавателем Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью) и доцентом кафедры философии и теологии Белгородского Государственного университета, автор активно применял результаты данной работы в сфере своей педагогической деятельности.

ГЛАВА I. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ КАК ОСНОВА ДРЕВНЕХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

1.1. Ветхозаветная и синагогальная традиция чтения Священных Текстов.

Святой пророк Моисей – первый основатель культового поклонения Господу Богу Израилеву, написал также пять книг священной истории человечества, в которых изложил главные истины Божественного Откровения: о сотворении мира и о судьбе человека – отпавшего от Бога и снова возвратившегося к своему Творцу. Эти Книги он назвал Законом и повелел их читать перед лицом Господа для всего народа (Втор. 31.11).

Это первое упоминание в Библии о богослужебном употреблении Священного Писания, но также и о канонизации Законодательных книг, которую совершил сам Моисей, возведя их в разряд Священных Текстов, обладающих абсолютным авторитетом, как слово Самого Бога, обращенное к человечеству (а в частности, к израильскому народу, призванному быть хранителем истинной религии и совершителем достойного богослужения).

«Подобно тому, как все народы древности хранили свои священные писания в храмах, тот же самый обычай существовал и у евреев. Моисей вручил написанную им «книгу закона» священникам из колена Левиина и повелел им положить ее «одесную Ковчега Завета Господня» и читать ее через семь лет, в субботний год, в дни праздника Кущей (Втор. 31.9,26-27). Таким образом, сам Моисей положил основание канону. Выделив написанную им книгу и поместив ее для хранения рядом с Ковчегом Завета – величайшей святыней Израиля, он тем самым подал пример особого благоговейного отношения к Ветхозаветным Священным книгам»¹.

¹ Иванов А., прот. Общее Введение в Ветхий Завет. Краткий конспект лекций. – ЛДА, 1974. – с.10-11

Вот как все это описано в книге Второзакония: «И написал Моисей закон сей, и отдал его священникам, сынам Левиным, носящим ковчег завета Господня, и всем старейшинам [сынов] Израилевых. И завещал им Моисей и сказал: по прошествии семи лет, в год отпущения, в праздник кушей, когда весь Израиль придет явиться пред лице Господа Бога твоего на место, которое изберет [Господь], читай сей закон пред всем Израилем вслух его; собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились, и чтобы боялись Господа Бога вашего, и старались исполнять все слова закона сего» (Втор. 31.9-12).

Пророк Моисей придает своим книгам статус не только нравственно-назидательный, но завещает читать их в «месте, которое изберет Господь» (ст. 11), то есть связывает чтение с жертвоприношением и служением Богу.

Потому и Иисус Навин, после победы над жителями Гая, устроил жертвенник Господу Богу на горе Гевал, чтобы совершить очень важный обряд «благословения и проклятия», который должен был раз и навсегда определить границы и условия израильского богоизбранничества. После богослужебного жертвоприношения, Иисус Навин высек «на камнях список с закона Моисеева, который он написал пред сынами Израилевыми. Весь Израиль, старейшины его и надзиратели [его] и судьи его, стали с той и другой стороны ковчега против священников [и] левитов, носящих ковчег завета Господня, как пришельцы, так и природные жители, одна половина их у горы Гаризим, а другая половина у горы Гевал, как прежде повелел Моисей, раб Господень, благословлять народ Израилев. И потом прочитал [Иисус] все слова закона, благословение и проклятие, как написано в книге закона» (Иис.Нав. 8.32-34).

Как видно, основанием для богоизбранничества еврейского народа были «слова закона», записанные Моисеем, и являющиеся мерилom отношений Израиля и Господа.

Именно поэтому Тексты назывались Священными, что они несли в себе сакральную печать Божественного присутствия, являясь «голосом»

Самого Бога, Его Откровением. Да и хранились они в самом священном для евреев месте – Скинии Собрания, читаемые вслух всего народа в особо торжественные и праздничные дни.

В конце своей жизни Иисус Навин собрал весь Израильский народ в Сихеме и снова заключил с ними торжественный союз верности Господу, взяв с людей клятвенное обещание служить Ему в чистоте и искренности: «Народ сказал Иисусу: Господу Богу нашему будем служить и гласа Его будем слушать. И заключил Иисус с народом завет в тот день и дал ему постановления и закон в Сихеме [пред скиниею Господа Бога Израилева]. И вписал Иисус слова сии в книгу закона Божия, и взял большой камень и положил его там под дубом, который подле святилища Господня» (Иис.Нав. 24.24-26).

Подобным образом поступил и пророк Самуил при избрании первого Израильского царя: «И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом» (1Цар. 10-25).

Все это важно отметить для того, чтобы увидеть связь Священного Писания евреев с их священным культовым местом, в котором возносились молитвы Богу и совершались жертвоприношения – Скинией, а впоследствии Храмом.

И хотя во время перенесения Ковчега Завета в Храм Соломонов упоминается лишь о том, что «в ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей на Хориве» (3Цар. 8.9), все же есть косвенное упоминание о том, что и Священные Тексты были внесены в Святилище для хранения: «и понесли ковчег Господень и скинию собрания и все священные вещи, которые были в скинии; и несли их священники и левиты» (3Цар. 8.4).

Доказательством этому служит повествование о деятельности Иудейского царя Иосии, внука Манассиина; при его деде нечестие и идолопоклонство в Иудейской земле достигло своего апогея. Сам же Иосия был ревнителем Божественного Закона как в силу своего характера, так и

потому, что при нем были обретены Тексты Священного Законодательства Моисея. «В восьмой год царствования своего, будучи еще отроком, он начал прибегать к Богу Давида, отца своего, а в двенадцатый год начал очищать Иудею и Иерусалим от высот и посвященных деревьев и от резных и литых кумиров» (2Пар. 34.3).

Он приказал совершить реставрацию Храма Господня, который в то время был осквернен совершавшимися в нем нечестивыми культами ханаанских богов, и пришел из-за этого в ветхость. Во время реставрации «Хелкия священник нашел книгу закона Господня, данную рукою Моисея» (2Пар. 34.3). Книгу передали царю и он ужаснулся, когда ее прочитал, так как жизнь его народа полностью отрицала заповеди Господа, записанные в ней.

Тогда Иосия вновь совершил акт примирения народа Иудейского с Истинным Богом, который до него совершал Иисус Навин: «И пошел царь в дом Господень, и все Иудеи, и все жители Иерусалима с ним, и священники, и пророки, и весь народ, от малого до большого, и прочел вслух их все слова книги завета, найденной в доме Господнем. Потом стал царь на возвышенное место и заключил пред лицом Господним завет - последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его от всего сердца и от всей души, чтобы выполнить слова завета сего, написанные в книге сей. И весь народ вступил в завет» (4Цар. 23.2-3).

Однако после его смерти на иудейский народ обрушивается череда внешнеполитических войн, которые в конце концов приводят к разрушению Иерусалима, Храма, и уничтожению богослужения. Народ иудейский становится пленником халдеев, а затем персов.

Итак, Священное Писание изначально было написано как законодательный кодекс, и в то же время, назидательная история. Однако читать его могли лишь люди избранные, имеющие доступ к священным хранилищам Скинии или Храма, то есть священники. Для народного назидания Священные Книги читались лишь по общенациональным

праздникам, и связано это чтение было с жертвоприношениями, то есть носило богослужебный характер.

«Показательно, что библейский рассказ о творении мира – Шестоднев – является не «линейным» повествованием, но имеет строфическую структуру с повторяющимся рефреном. По всей видимости, такая форма текста свидетельствует о его литургическом предназначении. Вероятно, сказы о «днях» творения исполнялись священниками в течение семидневного периода празднования нового года как «литургия творения», повествовавшая о созидательной силе Творца неба и земли и заканчивавшаяся установлением божественного порядка»¹.

Стоит также упомянуть и о том, что с появлением культового места появляется богослужебное пение и игра на музыкальных инструментах. В особенности это связано с творческой деятельностью одного из величайших людей Иудеи – святого царя Давида, прозванного псалмопевцем. Он не только заботился о благолепии служения Господу Богу, для чего даже основал профессиональный хор при Скинии (1Пар. 6.31), но и сам написал большую часть богослужебных гимнов, которые уже на протяжении трех тысяч лет читаются и поются людьми, познавшими Истинного Бога. Эти хвалебные и покаянные гимны составили книгу с названием наиболее любимого музыкального инструмента царя Давида, на котором в большинстве своем они исполнялись, то есть «псалтири» (струнный музыкальный инструмент), и были так же включены в корпус Священного Писания Ветхого Завета.

Таким образом, книги Священного Писания с самого момента их написания предназначаются для праздничного богослужебного чтения, имея не только нравственно-назидательный характер, но и сакральный пророческий смысл, постигаемый через культовую причастность к ветхозаветной религии древнего Израиля.

¹ Хук С. Мифология Ближнего Востока. – М.: Наука, 1991. - С. 108

С разрушением Храма (586 г. до Р.Х.) и упразднением жертвоприношений, которые могли совершаться, собственно, только в Храме, наступает преобразование в иудейском богослужении. Не имея возможности поклоняться своему Богу в священном месте, пленники Вавилона собираются в небольшие местные собрания, называемые «синагогой» (греч. συναγωγή, евр. kenesset – собрание).

Эти собрания с внешней стороны носили нравственно-педагогический характер, так как в основе своей содержали чтения Священных Текстов Закона и Пророчеств, а также поучение народа. Собрания были необходимы для сохранения культурного самосознания еврейской диаспоры среди многонациональных вавилонских жителей с их различными языческими культурами.

Очень быстро чтение Священного Писания в синагоге приобрело характер не только назидательный, но и богослужебный.

Отсутствие жертвоприношений и храмового пения были для иудейского народа большой потерей. 136 псалом навсегда сохранил всю горечь и тоску пленников по своему богослужению: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы... Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» (Пс. 136. 1-2,4).

Вероятно поэтому Священное Писание, как единственное живое свидетельство храмового богослужебного культа, в своем чтении перед общиной, стало рассматриваться народом как сакральная теургия. Об этом же пишет и проф. Михаил Скабалланович: «Благодаря синагоге еврейство, а вслед за ним и христианство, стало смотреть на чтение Священного Писания как на часть богослужения, своего рода молитву»¹.

К сожалению, синагоги были не во всех городах, в которых находились иудеи, да и собираться они могли лишь в субботу, да и то если не было религиозных гонений со стороны властей. В любом случае, в этот период

¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 18

(Вавилонского плена) синагога только начинает развиваться, формируясь постепенно в общепринятый гражданский школьный институт, где учителем мог стать каждый совершеннолетний мужчина, который имел способность усвоить и объяснять слова Священных Текстов слушающим.

После возвращения из плена части иудеев началось строительство нового Храма в Иерусалиме. И в этот период мы находим свидетельство о всенародном чтении Священного Писания, близком к синагогальной традиции. Это свидетельство связано с именем Ездры, «книжника» (Неем. 8.1), «священника и чтеца» (2Ездр. 9.39), который много потрудился в становлении и укреплении не только духовно-нравственной, но и богослужебной жизни иудейского общества.

Вот что пишет его современник, виночерпий персидского царя и уполномоченный Иудеи, Неемия: «Когда наступил седьмой месяц, и сыны Израилевы жили по городам своим, тогда собрался весь народ, как один человек, на площадь, которая пред Водяными воротами, и сказали книжнику Ездре, чтобы он принес книгу закона Моисеева, который заповедал Господь Израилю. И принес священник Ездра закон пред собрание мужчин и женщин, и всех, которые могли понимать, в первый день седьмого месяца; и читал из него на площади, которая пред Водяными воротами, от рассвета до полудня, пред мужчинами и женщинами и всеми, которые могли понимать; и уши всего народа были приклонены к книге закона... И благословил Ездра Господа Бога великого. И весь народ отвечал: аминь, аминь, поднимая вверх руки свои, - и поклонялись и повергались пред Господом лицом до земли... И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное» (Неем. 1-3,6,8).

Прот. Н. Елеонский так комментирует надобность толкования Закона: «Обычай этот был, как кажется, вызван необходимостью, поелику по возвращении из плена, народ, в своей непросвещенной и следовательно наибольшей части, вероятно говорил по-арамейски и не мог надлежащим

образом понимать своего прежнего еврейского языка, на котором были написаны священные книги»¹.

Однако, как кажется, за непродолжительный период Вавилонского плена (менее ста лет), народ иудейский не мог настолько ассимилироваться, чтобы поколение, рожденное среди халдеев, стало всецело говорить на арамейском языке. С другой стороны, отсутствие синагог во многих городах могло вызвать абсолютное незнание Священного Закона большинством вернувшихся иудеев. Для чего и нужно было, чтобы «левиты поучали закону Господа и читали пред народом закон Господа, объясняя притом чтение» (2Ездр. 9.48).

Более вероятней что Ездра, как представитель «Великой Синагоги»², применил известный ему из вавилонских синагог опыт чтения Священного Писания с последующим его толкованием. Причем это чтение имеет явно выраженный богослужебный характер и уже сопровождается обрядовыми действиями: «И открыл Ездра книгу пред глазами всего народа, потому что он стоял выше всего народа. И когда он открыл ее, весь народ встал. И благословил Ездра Господа Бога великого. И весь народ отвечал: аминь, аминь, поднимая вверх руки свои, - и поклонялись и повергались пред Господом лицом до земли» (Неем.8.5-6).

В другом месте Неемия пишет о том, что чтение Священного Закона было соединено с публичным покаянием иудейского народа и молитвенным поклонением Господу Богу: «И отделилось семя Израилево от всех инородных, и встали и исповедывались во грехах своих и в преступлениях отцов своих. И стояли на своем месте, и четверть дня читали из книги закона Господа Бога своего, и четверть исповедывались и поклонялись Господу Богу своему» (Неем.9.2-3).

Эти важные свидетельства Священного Писания говорят о том, что уже в то время (V-IV век до Р.Х.) текст Закона и Пророков не просто читался

¹ Елеонский Н., прот. Краткий очерк истории подлинного ветхозаветного текста // ЧОЛДП, №8, 1874. – с. 176

² То есть являвшийся Верховным раввином для вернувшихся из плена иудеев.

общенародно, но имел свое толкование в виде устной проповеди, которая ко времени появления христианства стала неотъемлемой частью богослужения.

Каким же образом читалось Священное Писание в Синагоге?

В «Словаре Брокгауза и Ефрона» есть указание, что «Ездра установил общественное чтение отдела из Пятикнижия, а затем из пророков, по субботним и праздничным дням, впоследствии же и по понедельникам и четвергам, а также в ярмарочные и судебные дни»¹.

Дело в том, что Ветхий Завет к тому времени был уже разделен на небольшие отделы, так называемые «параш́и» (евр. разделение). Об этом делении упоминает Мишна и Гемарра, которые начало этого деления возводят еще к Моисею, и предписывают неизменно соблюдать его при составлении списков закона, вследствие чего «парашии» до настоящего времени имеют место в священных рукописях, употребляемых в синагогах.

Тора, разделенная на парашии, читалась в синагогах по субботам, и прочитывалась в течении 3-х лет.

Но было и другое деление ветхозаветных текстов, на так называемые «гафтары́» (евр. отпущение). Это отделения второй части ветхозаветного канона – Пророков, напоминающие современные церковные «зачала», записываемые, для большего удобства, в отдельные свитки.

«Гафтары» также читались в синагогах по субботним дням, но только после «парашей» из закона и должны были по смыслу соответствовать последним.

Ряд чтений начинался с субботы после праздника Кущей. В сами праздники читались не рядовые «парашии» и «гафтары», а соответствующие священным воспоминаниям. Например, на Пасху читалась Лев. 23 гл. (Установление праздника Моисеем), в Пятидесятницу – Втор. 16.9-12 (Также установление праздника Жатвы), в Новолетие – Лев. 23.23-25 (Установление праздника Труб), в день Очищения – Лев. 16 гл. (Об установлении обряда

¹ Синагога // [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Серия «Русские Энциклопедии». Platinum DVD-Soft

очищения народа), в праздник Кущей – Чис. 29.12-39 (также об установлении праздника)¹.

Из всего этого можно сделать вывод, что все эти чтения являются не воспоминанием произошедших в прошлом событий, в честь которых были назначены праздники, а лишь наставления народу о том, каким образом эти праздники нужно совершать по «Закону». Хотя не исключено, что о самих праздничных событиях народу говорилось на проповеди, следовавшей за чтением каждого смыслового отрывка, а порой и выражения.

После постройки Второго Храма (516 г. до Р.Х.) синагога не утратила своего значения, оставаясь местом богослужебно-просветительского собрания не только в различных районах Иудеи, но и многочисленных поселениях еврейской диаспоры, рассеянных на огромной территории. В Храме хотя и возобновилось ежедневное жертвоприношение, но чтение Священного Писания совершалось только в особо торжественные праздничные дни.

Об этом замечает проф. Ф.Смирнов: «Что касается положенных синагогальным уставом определенных чтений, - они хотя не совершались при храмовом богослужении, но все же отчасти имели свой первообраз в торжественных чтениях, которые в известные времена допускались и здесь, и для этой цели во дворе храма был стол или аналой»².

Ко времени пришествия в мир Господа Иисуса Христа синагога стала «молитвенным домом», куда в обязательном порядке по субботним и праздничным дням собирались все иудейские жители города. Храм же стал центром паломничества для евреев, куда они приходили по мере сил и возможностей. Однако каждый уважающий себя правоверный иудей старался посетить Святой Город Иерусалим хотя бы раз в год, чтобы вместе со всем народом вкусить «пасхального агнца» и принести в Храме жертву за свой род.

¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с.19

² Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.1, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873. – с.552

В Новом Завете также встречается несколько свидетельств о синагогальном чтении Священного Писания, и они продолжают практику, введенную священником Ездрой.

Прежде всего, Сам Иисус Христос, в начале Своего земного благовествования, пройдя по Галилее, где Он проповедовал в синагогах, вернулся в Свой родной город. «И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне... И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4.16-18,20-21).

Господу подали для чтения книгу пророка Исаии. Вероятно, чтение из Закона было уже совершено перед этим кем-то из старейших и почтеннейших людей, поэтому Спасителю предложили прочитать «гафтару» из Исаии, которая бы по смыслу подходила к предыдущему тексту. В том, что Христос Сам нашел такое место, видится более древний обычай иудеев, допускавший для чтеца больше «литургической» свободы и вариантов чтения.

После прочтения текста Христос стал проповедовать, разъясняя людям прочитанное.

Подобно этому поступали и апостолы, которые, придя в какой-то город, посещали прежде всего синагогу, а их проповедь была не просто назиданием народа, но молитвенно-богослужебным действием, не отделимым от чтения Священных Книг¹.

Синагогальное богослужение имело большое влияние на раннехристианскую общину в Иудее, и это не удивительно, так как не только апостолы не порывали с ветхозаветным храмовым и синагогальным культом,

¹ См., например: Деян. 13.15

но и иудео-христиане в богослужении сохранили большую часть молитв и форм синагогальных собраний.

На указанных выше примерах можно увидеть, что Книги Священного Писания Ветхого Завета не только предназначались для богослужебного прочтения во время праздников и ежедневных жертвоприношений, но и хранились вначале в Скинии Свидения, а после – Иерусалимском храме, то есть в священных местах религиозного культа иудейского народа. И читать их могли лишь священники вслух всего народа, обязательно присоединяя толкование – последняя традиция появляется в после пленный период иудейства, и связана с синагогальной богослужебной практикой.

Таким образом, в после пленный период иудейской истории развивается и закрепляется традиция богослужебного чтения Священного Писания, воспринятая и усвоенная впоследствии уже христианской Церковью.

1.2. Формирование и согласование ветхозаветных и новозаветных Писаний в ранне-христианской Церкви.

В текстах I века имеется несколько свидетельств о богослужебном чтении Священного Писания, и эти свидетельства находятся в самих Священных книгах Нового Завета. Но прежде чем приступить к их рассмотрению, необходимо вкратце охарактеризовать апостольское богослужение.

Как уже было сказано, ни Сам Христос, ни Его апостолы не порывали с ветхозаветным иудейским культом. Христиане почитали Храм, построенный Зоровавелем, который Сам Господь называл «Домом Отца» Своего (Ин. 2.16), а Его выражение Ин. 4.21¹ понималось как еще не сбывшееся пророчество. Лишь с разрушением Иерусалимского Храма в 70 г. римскими войсками, произошла окончательная изоляция апостольской литургии.

С другой стороны, жертву за грех, приносимую священниками в Храме, верующим заменила «бескровная Жертва», совершаемая апостолами в христианских закрытых собраниях.

В Книге Деяний не имеется прямых сведений о чтении Священного Писания за богослужением в раннехристианской общине. Но исходя из вышеприведенных замечаний о связи синагогального и апостольского богослужения, а также косвенных свидетельств, оставленных ап. Лукой, некоторые исследователи находят возможным видеть такой факт.

Книга Деяний повествует, что крещенные «постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2.42). В этой фразе проф. Ф.Смирнов видит указание на употребление ветхозаветных писаний за тогдашним богослужением. Именно выражение «в учении Апостолов» дает основание так считать, потому что проповедь

¹ «Наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу».

Апостолов всецело основывалась на Законе и Пророках, как это видно во многих гомилиях, приведенных ап. Лукой в кн. Деяний.

«Так как с одной стороны «учение апостолов», как видно из их писаний, непосредственно примыкало к Священным Писаниям Ветхого Завета, особенно к пророческим частям их, и так как с другой стороны новое общество состояло из иудеев и даже не порвало своей связи с храмом и синагогой, то естественно думать, что в богослужении иерусалимских христиан удержано было обычное употребление библейских чтений, которые предполагало апостольское учение и с которыми оно стояло, по всей вероятности, в непосредственной связи, так что пророки, наряду с апостолами, являлись учителями общества, и идея единства двух заветов фактически осуществлялась в богослужении»¹.

Авторитет книг Ветхого Завета среди иудео-христиан был огромен, настолько, что многие евреи заставляли новопросвещенных язычников исполнять священные предписания и правила Моисеева Закона, будучи уверенными в том, что без этого невозможно вступить в новое Царство Христа – «второго Моисея». Сам Христос прекрасно знал Ветхий Завет, к нему постоянно прибегали и апостолы во время своих проповедей.

Но Христос не оставил после Себя ни одной записи, однако сотворил столько деяний и произнес столько речей, что, по словам ап. Иоанна Богослова, «если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21.25).

Его учение передавалось устно, теми, кто был свидетелями Его земной жизни, и что самое важное – свидетелями Его воскресения из мертвых. Главная евангельская весть, лежащая в основе апостольской проповеди: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели!» (Деян. 2.32). Эта проповедь составила основу Нового Завета, вначале передаваемая устно, а затем записанная с целью сохранения.

¹ Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.1, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873. – с.508

Проповедь (греч. κήρυγμα) занимала в апостольском богослужении огромное значение, так что продолжалась иногда довольно долго, в течении целой ночи (См.: Деян. 20.7-11). Это было живое слово о Христе, приобретающее форму то свидетельства, то назидания, то молитвословия.

«Собрания учеников, смысловым центром которых были рассказы очевидцев-апостолов, не могли не быть в то же время и молитвенными собраниями. Воспоминания апостолов о Христе, о Его смерти и Воскресении, а также обо всех Его словах и делах не могли быть только рассказами, повествовательным наставлением или утверждением в вере. Они были облечены в богослужебные формы»¹.

Проповедь соединялась с чтением ветхозаветных Писаний и полностью зависела от харизматических дарований «предстоятеля», равно как и вся раннехристианская литургия.

«Было бы несправедливо, конечно, думать, что оба эти элемента богослужения – учение и чтение Писаний, были расположены в известном порядке или системе и были приурочены к известным лицам, как теперь. Чтение и учение сливались еще как бы в один акт и являлись в форме непринужденной семейной беседы членов общества, в которой предпочтительно пред другими принимали участие лица более способные, обладающие благодатными дарами, под председательством и руководством апостолов. На это указывает и древнейшее название этой части богослужения: ομιλία (греч. беседа)»².

Очень скоро повествования о земной жизни Спасителя стали записываться, о чем свидетельствует ап. Лука в начале своего Евангелия (См.: Лк. 1.1). Связано это было с тем, что Церковь Христова стала расширяться, и верующие уже не могли слышать на богослужении живого слова божественных посланников. К чтению книг Ветхозаветных стали

¹ Сорокин А., прот. Христос и Церковь в Новом Завете. Введение в Священное Писание Нового Завета. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2006. – с.110-111

² Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.1, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873. – с.508-509

присоединяться и имеющиеся в наличии повествования, переданные «очевидцами и служителями Слова» (Лк. 1.2), записанные верными учениками апостолов. Гораздо позже сами апостолы по просьбе этих же учеников изложили события земной жизни Христа и Его учение.

Помимо Евангелий Апостолы писали так называемые «пастырские послания», - нравственно-педагогические сочинения, адресованные либо частным лицам, либо же целым христианским общинам или Церквам. Последние из них были специально предназначаемы для широкого чтения во время церковных собраний, как, например, послание ап. Павла «находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе» (Кол. 1.2), в котором он прямо указывает на то, что «когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы» (Кол. 4.16).

«Хотя апостол... ясно и не показывает, чтобы чтение его послания совершалось за литургией, но, по всей вероятности, оно было отложено на то время, когда верующие собирались для принятия таинства, так как мы не знаем за это время никаких других общественных собраний»¹.

В другом своем послании Павел не просто предписывает, но требует, чтобы оно было прочитано для всей Церкви: «Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братьям» (1Фесс. 5.27).

Как сами Апостолы, так и их писания имели большой авторитет среди христиан, а потому очень скоро началось составление канонических сборников Священных Книг уже «Нового Завета», хотя статус Священного Писания в I в. сохранялся лишь за книгами ветхозаветных авторов. Исключением являлись четыре Евангелия и книга Деяний святых Апостолов, как продолжение третьего, которые сразу после написания были признаваемы всей церковной полнотой как богодухновенные Тексты, содержащие в себе Божественное Откровение.

¹ Петровский А. Апостольские литургии Восточной Церкви. – С-Пб.: Печатня С.П.Яковлева, 1897. – с.206

К концу I в. многие церковные общины в крупных городах имели списки как минимум одного из Евангелий и нескольких посланий, а иногда наличие книг составляло целые сборники. В любом случае, за богослужением читались лишь те тексты, которые были доступны в данный момент, и чтение это в то время не имело строго установленных форм и порядка, как это уже было в синагоге.

«Мы не имеем подробных сведений, в каком порядке употреблялись чтения в собраниях христиан... Можем предполагать, во всяком случае, что при этом не были соблюдаемы скрупулезные формальности синагогального образа чтений, так как цели чтений были различны. Синагога имела в виду – внедрить в памяти закон и пророков, провести в сознание народа идеи своего вероучения, и расположение чтений тесно связано было с событиями их истории, с их национальным календарем; в христианских собраниях закон и пророки получили место лишь по отношению к Мессии, к идее искупления, и расположение их было применяемо к событиям из жизни Христа и истории христианства, в которых закон и пророки находили свое исполнение»¹.

Важно отметить лишь то, что чтение Священного Писания являлось неотъемлемой частью раннехристианского богослужения, которое, в свою очередь, состояло из двух основных частей: первая состояла из службы «синагогального» типа, содержащей хвалебные и жертвенные молитвы, а также чтение Священного Писания с последующим толкованием².

Вторая же и главная часть апостольского богослужения – «преломление хлеба» или Евхаристия, включавшая в себя так же «агапу» («вечерю любви») и трапезные благодарственные еврейские молитвы.

Однако очень часто эти обе части сливались в одну, особенно в церквях христиан из язычников, где еврейские хвалебные и благодарственные молитвы («берахот», евр. благословения) не имели такого важного значения.

¹ Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.1, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873. – с. 552

² Арранц М.; Рубан Ю. История Византийского Типикона («Око Церковное»). Ч.1. Предвизантийская эпоха. – С-Пб.: Журнал «Нева», 2003. – с. 26

Здесь исследователи отмечают следующую схему богослужения, основываясь на 1 посл. к Коринфянам: пение псалмов, гимнов, и духовных песен с доксологическими окончаниями, в которых принимало участие все общество; чтение Священного Писания, которое, вероятно, по обычаю синагоги начиналось и оканчивалось доксологиями и антифонами; к чтениям непосредственно примыкали речи различных форм по различию даров духовных; молитва индивидуального или общественного характера, после чего совершалось благословение Чаши и преломление Хлеба. Оканчивалось богослужение общим благословением всех присутствующих священнослужителей¹.

Наконец, необходимо обратить внимание на одно важное свидетельство, описывающее диалог между предстоятелем и чтецом перед чтением Священного Писания на богослужении. Это первые стихи книги Апокалипсис, которые с выразимой наглядностью свидетельствуют как о ее литургическом употреблении, так и про общую схему предъевангельского диалога, совершавшегося в конце I – начале II века, и сохранившегося до сих пор.

Для общей наглядности цитируемого отрывка можно схематично расположить текст, с приблизительным указанием лиц, участвовавших в диалоге:

Чтец (произносит заглавие книги): «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа и что он видел» (Откр. 1.1-2).

Предстоятель (произносит благословение всем присутствующим): «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко» (Откр. 1.3).

¹ Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.2, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873. – с. 96

Чтец (произносит адресат книги): «Иоанн семи церквам, находящимся в Азии» (Откр. 1.4).

Пророк (произносит триадологическое благословение): «Благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных» (Откр. 1.4-5).

Предстоятель (произносит славословие Богу): «Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков» (Откр. 1.5-6).

Народ: «Аминь» (Откр. 1.6).

Пророк (произносит пророчество): «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» (Откр. 1.7).

Народ: «Ей, аминь» (Откр. 1.7).

Пророк (возглашает от имени Господа): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1.8).

Чтец (начинает чтение от имени автора): «Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа, был на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 1.9) и далее...

Этот полилог наглядно свидетельствует о том, что в конце I – начале II века чтение Священного Писания связывается с молитвенно-славословным вступлением, и само воспринимается не как передача исторических фактов, а как реализация «парусии» в настоящем конкретном богослужебном тайнодействии.

Скорее всего, это вступление писал не сам ап. Иоанн Богослов, но, по всей видимости, оно возникло очень скоро, так как выражает апокалиптические настроения и богослужебные формулировки

раннехристианской общины. Да и вся вообще книга Откровения, по мнению многих исследователей, отражает намеки на литургические практики общин того времени.

Итак, 2 пол. I века – период написания большей части Священных Книг Нового Завета. Апостольские послания общего характера и Евангелия сразу входят в христианское богослужение, заменяя собой «керигму» и живое присутствие «свидетелей Слова». А сама древняя литургия начинается, собственно, чтением Священных Книг с предшествующими благословениями и пророчествами.

Первоначальная история богослужебного употребления Священного Писания тесно связана с историей новозаветного канона. И хотя в задачи данной работы не входит подробное рассмотрение истории канонизации Священных Книг, но несколько слов об этом необходимо написать, чтобы яснее представить себе ситуацию, происходившую в Церкви во II веке.

Прежде всего, к этому времени новозаветные Писания общего содержания приобретают в Церкви широкую известность и авторитет. Их цитация появляется в большинстве сочинений II в., у так называемых «мужей апостольских» и «апологетов». Сами Евангелия (количество которых ограничено четырьмя достоверными и истинными) становятся в один ряд с Пятикнижием, приобретая статус Законодательных Книг.

С другой стороны, в это же время в Церковной среде появляется множество разделений и споров. Количество христиан увеличивается, несмотря на периодические гонения Римских властей, и происходит столкновение иудейской и эллинской богословской мысли. Иудео-христиане большой авторитет придавали тем писателям, которые проповедовали преимущественно среди их диаспоры, и чьи тексты были обращены к иудеям – ап. Петру, ап. Матфею, ап. Иакову. Других же – ап. Павла, ап. Иоанна, ап. Луку, они считали не совсем своими, так как те писали для язычников. Другая «партия» - языко-христиане, держались противоположного мнения, выделяя более авторитетных писателей из числа апостолов, которые

проповедовали среди них. Плюс ко всему, их немного отталкивала некоторая надменность и показная праведность иудео-христиан перед другими, а также то, что сам иудаизм стал главным врагом христианства.

«На первых порах единообразия не было: в отношении некоторых книг существовали не столько даже колебания, сколько тенденция отказываться им в каноничности и даже в подлинности апостольского происхождения. Палестинские христиане признавали писания тех апостолов, которые осуществляли свое служение среди евреев, незнакомых с Павловыми Посланиями. Те же, кто был обращен проповедью апостола Павла, хорошо знали, что им не адресовались Послания Иакова, Петра и Иуды, и не имели возможности распространять их в своих общинах»¹.

Некоторые доходили до крайностей. Например, Маркион, богатый римский судовладелец, полностью отверг все книги Ветхого Завета, а также писания апостолов, адресованные иудеям. Он признавал только Евангелие от Луки и десять посланий ап. Павла, да и те сам отредактировал.

В это же время в церковной среде появляется множество книг сомнительного происхождения. Эти книги надписывались именами апостолов, чтобы придать авторитетность идеям, в них содержащимся. Церковь постигла «чума» под названием «гностицизм», то есть «тайное знание», которое лжеучителя и пытались передать через эти книги. Такого рода литература – неизвестные до сего времени Евангелия, Деяния, Послания и Апокалипсисы, стала называться «апокрифами» (греч. *απόκρυφος* – скрытый, тайный).

Это обстоятельство потребовало от иерархии применять более жесткие критерии к книгам, включаемым в канон. Иринея, еп. Лионский, один из главных борцов с гностицизмом, в своем сочинении «Против ересей» (3.11) доказывает невозможность другого числа Евангелий, чем 4: «Так как четыре стороны света, в котором мы живем, и четыре главных ветра, и так как

¹ Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – с. 15

Церковь рассеяна по всей земле, а столп и утверждение Церкви есть Евангелие и Дух жизни, то надлежит иметь ей четыре столпа, отовсюду веющих нетлением и оживляющих людей. Из этого ясно, что устрояющее все Слово, восседающее на Херувимах и все содержащее, открывшись человеку, дало нам Евангелие в четырех видах, но проникнутое одним Духом... И Херувимы имеют четыре лица и их лики суть образы деятельности Сына Божия... Четверовидны животные, четверовидно и Евангелие, и деятельность Господа. И поэтому даны были человечеству четыре главных завета: один при Адаме до потопа, другой после потопа при Ное, третий законодательство при Моисее, четвертый же обновляющий человека и сокращающий в себе все через Евангелие»¹.

Таково краткое положение литературных церковных дел во II веке. «И величайшей честью служит для Церкви Христовой то, что она, и первоначально составившись в подавляющем большинстве из язычников, а во II веке и совсем порвав с иудейством, по вопросу о богодухновенном каноне и употреблении его за богослужением противостала столь естественному в этих обстоятельствах течению, как маркионство, и объявила не только писания всех апостолов равноценными, но и Ветхий Завет по боговдохновенности равным Новому»².

Теперь необходимо рассмотреть единственное прямое свидетельство II в. о богослужебном чтении Священных Книг. Оно находится в 1 Апологии мученика Иустина Философа, поданной императору Антонину ок. 150 г.

Вот что он пишет: «В так называемый день солнца бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам или селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и

¹ Иринея, еп. Лионский. Сочинения. – С-Пб.: Гостиный двор, № 45, 1900. – с. 249-250

² Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 60

увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы» (Апология 1.67)¹.

Из этого описания христианского богослужения сер. II в. можно сделать несколько выводов. Прежде всего важно отметить, что Иустин, как апологет, обращавшийся с защитной речью к императору, высказывал не свой личный взгляд на литургию, и описывал не какой-то частный обычай одной из поместных Церквей, но выступал как представитель Церкви и, побывав во многих местах, увидев различные формы богослужения, излагает его в том виде и смысле, как понималось и совершалось оно всеми христианами, то есть основные и существенные моменты раннехристианской литургии.

Отсюда можно заключить, что чтение Священных Книг приобрело в Церкви общеобязательный характер и совершалось во время общего собрания верующих прежде Евхаристии.

«Слова Иустина ясно показывают, что Священные Книги Нового Завета в его время обращались в руках христиан в сборнике и употреблялись при общественном богослужении наряду с Писаниями Ветхозаветными. «Воспоминания апостолов» нужно понимать в широком смысле и разуметь под ними как канонические Евангелия, так и все другие, входившие в состав первоначального церковного канона Писания Нового Завета, равно как «писания пророков» означают не пророческие только, но и все Писания Ветхого Завета»².

Видно также, что в то время не было еще такого резкого разделения литургии на две части: оглашенных и верных, которое происходит позднее, но все богослужение представляет собой мистерию просвещенных (святым крещением), и само чтение Священных Книг носит не огласительный характер, а назидательный: следовать «тем прекрасным вещам», о которых учит Божественное Писание.

¹ Иустин, философ и мученик. Творения. – М.: Паломник, 1995. – с.98-99

² Смирнов Ф. Богослужение христианское со времени Апостолов до IV в. – Киев: Тип. С.Т.Еремеева, 1876. – с. 87

«Рассматривая эту часть со стороны взаимоотношения ее элементов, нельзя не заметить, что она составляет одно неразрывное целое. Чтение Писания приводит к проповеди, требующей подражания слышанному добру, проповедь переходит в молитву, которая, представляя из себя выполнение евангельских заповедей о молитве за всех людей, за врагов и ненавидящих, является в действительности тем подражанием слышанному добру, к которому возбуждает проповедь. Конечно, до известной степени общая молитва служила переходом и к дальнейшей евхаристической части литургии; соединяющим звеном был в данном случае акт лобзания мира, как внешнее выражение одушевляющей христиан взаимной любви»¹.

То, что чтение Священного Писания имело такое огромное значение для христиан и воспринималось как Слово Самого Господа, через которое Он реально воздействует на душу человека, подтверждается еще одним свидетельством II века. Это слова священномученика Игнатия Богоносца, ученика ап. Иоанна Богослова, с которыми он обращается в своем Послании к Филадельфийцам (Глава 4-5): «Итак, старайтесь иметь только одну евхаристию. Ибо одна плоть Господа нашего Иисуса Христа и одна чаша в единение Крови Его, один жертвенник, как и один епископ с пресвитером и дьяконами, со служителями моими, дабы все, что делаете, делали вы о Боге.

... Будем прибегать к Евангелию, как к плоти Иисуса, и к апостолам, как к пресвитерству Церкви. Будем любить также и пророков, ибо и они возвещали то, что относится к Евангелию, на Христа уповали и Его ожидали и спаслись верою в Него, посредством единения с Иисусом Христом соделавшись достовозлюбленными и досточудными святыми, Иисусом Христом свидетельствованными и сопричисленными к Евангелию общего упования»².

Свт. Игнатий ставит в тесную связь три главных составляющих христианского богослужения – Евхаристию, Священное Писание и

¹ Петровский А. Апостольские литургии Восточной Церкви. – С-Пб.: Печатня С.П.Яковлева, 1897. – с. 89

² Писания мужей Апостольских. – С-Пб., 1895. – с. 47-48

церковную иерархию, без которых невозможна литургия и общение верных. Это очень важное высказывание еще и потому, что оно примиряет авторитет двух Заветов и приводит их в несомненное единство между собой, так как в центре их обоих находится Личность Иисуса Христа.

Свт. Игнатий показывает также на различие книг Нового Завета между Евангелием и посланиями апостолов, чего не делает Иустин, но что такое деление составит в дальнейшем две части новозаветного канона: «Евангелие» и «Апостол».

Наряду со Священным Писанием, и проповедь не теряет своего значения, ибо хотя век апостолов уже завершился, но «апостольские мужи», то есть ученики апостолов, приобретают большой авторитет, а их слова огромное значение. Некоторые предпочитали живую проповедь очевидцев апостольской жизни более чем сами тексты Священных Книг, написанных апостолами; так как проповедь не только излагала, но и изъясняла смысл Писания.

Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (3.39) цитирует слова из книги Папия, еп. Иерапольского, которые тот пишет о себе (нач. II в.): «Я не замедлю в подтверждение истины восполнить мои толкования тем, чему я хорошо научился у старцев и что хорошо запомнил. Я с удовольствием слушал не многоречивых учителей, а тех, кто преподавал истину, не тех, кто повторяет заповеди других людей, а данные Господом о вере, исходящие от самой Истины... Я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой, остающийся в душе голос»¹.

Важность проповеди после чтения Священного Писания подчеркивает и Иустин, который замечает при этом, что Писание читает «чтец», а проповедь произносит «предстоятель». Она являлась живым свидетельством церковного Предания и преемственным образцом апостольского учения.

¹ Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – с. 140

«Проповедь служила естественным орудием для поступления новых элементов, сродных с первобытным преданием»¹.

Однако нельзя с уверенностью сказать, что в это время право учительства уже усваивается только лицам иерархии. Тем более что и «Дидахи» свидетельствует о широко существовавшем еще в то время институте апостолов и учителей², прямой обязанностью которых была именно проповедь, и то, что они не состояли в священном сане, так как были вынуждены постоянно путешествовать, а священнослужители в то время были тесно привязаны к своей общине.

Этот же памятник также приводит косвенное свидетельство о наставлении верующих духом Евангельского учения, неоднократно обращаясь к цитированию Священного Писания. При этом «Дидахи» призывает: «Часто сходитесь вместе, исследуя то, что полезно душам вашим; ибо не принесет вам пользы все время веры вашей, если не сделаетесь совершенными в последнее время» (Гл. 16)³.

В этом «исследовании» видении намек на чтение и научение верных словам Божественного Писания, происходившее во время общих собраний.

Необходимо упомянуть еще об одном событии, которое произошло во II веке и имело важное значение для всей мировой литературы. Это появление «кодексов». Дело в том, что в древности книги создавались из двух материалов – папируса (египетского тростника) и пергамента (кожи животных), и были в форме свитков. Но свиток был довольно-таки неудобен в употреблении, так как читателю приходилось работать двумя руками, чтобы его читать: одной раскручивать свиток, а другой наматывать его по мере прочтения. Поэтому Священное Писание и читалось постепенно, по мере раскручивания свитка, так как находить специально подобранные места из текста было крайне неудобно. Именно такая нужда, как кажется, и явилась причиной для изменения формы существовавших в древности книг, хотя

¹ Шуази Л. Апостольское Предание. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкаго, 1880. – с. 300

² Учение Двенадцати Апостолов. 11 глава.

³ Учение Двенадцати Апостолов. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкаго, 1885. – с. 40

первые упоминания в литературе о специально назначаемых для чтения отрывков из Писания появляются лишь в III веке.

Христиане первые начинают употреблять «кодекс», то есть книгу, сшиваемую из листов, согнутых посередине. Такая форма книг имела ряд преимуществ по сравнению со свитками: прежде всего она позволяла соединять в одну книгу все четыре Евангелия или все послания ап. Павла, что исключалось ранее при использовании свитков из-за их чрезмерной длины, а также давала возможность наносить текст с обеих сторон листа, что удешевляло процесс изготовления книг.

Вероятно, также, что «именно христиане из язычников довольно рано стали использовать форму кодекса для Священного Писания вместо свитков, чтобы тем самым сознательно провести различие между практикой Церкви и практикой синагоги, где по традиции сохранялась передача текста Ветхого Завета при помощи свитков»¹.

Итак, это основные свидетельства памятников I и II века, сообщающие о чтении Священных Книг Нового Завета во время богослужения. В то время канон Священного Писания еще не был утвержден, и в каждой Поместной Церкви употреблялись разные сборники книг, но среди них были известные всем общеупотребительные четыре Евангелия, Деяния Апостолов и некоторые соборные послания. Были также и такие книги, которые хоть и употреблялись за богослужением некоторыми Церквами, но не вошли в «литургический канон» (напр. Апокалипсис), или не были написаны самими апостолами (посл. Варнавы, посл. Климента Римского, «Пастырь» Ерма).

Так или иначе, но во II веке Церковь смогла преодолеть две еретические крайности в отношении Священного Писания. При всей критичности к авторству текстов, книги Ветхого Завета не были забыты или отобраны по принципу «идеологической» совместимости, и, напротив, именно критический подход к авторской подлинности позволил сохранить в

¹ Мецгер Б. Текстология Нового Завета. – М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 1996. – с. 4

«каноне» только истинные писания апостолов, отвергнув все подложные апокрифические тексты.

Церковь христианская самой своей богослужебной жизнью, часто путем проб и ошибок, выверила именно те книги из множества других, которые были написаны апостолами Иисуса Христа по вдохновению Того же Святого Духа, действующего в Церковных Таинствах и на Божественной литургии.

1.3. Деление библейского текста на «отрывки» для чтения.

В III веке сохранилось больше свидетельств о богослужебном чтении книг Нового Завета. Более того, по существующим документам можно полнее представить себе картину становления христианского богослужения той эпохи. Однако здесь будут приведены лишь наиболее значимые свидетельства, которые вполне характеризуют состояние «литургического канона» Священных Книг Нового Завета в III веке.

Прежде всего, необходимо привести свидетельство Тертуллиана, апологета и церковного деятеля III века, в конце жизни перешедшего в монтанизм, но, будучи еще «православным», написавшего много замечательных произведений, одним из которых является его Апология.

Описывая богослужение христиан, так же как и св. Иустин, Тертуллиан сообщает: «Мы собираемся, чтобы читать Священное Писание, из которого, смотря по обстоятельствам, почерпаем необходимые для нас сведения и наставления. Сие святое слово питает нашу веру и надежду, поддерживает наше упование, более и более усиливает между нами благочиние, вкореняя в нас правила его» (Апология, 1.39)¹.

Здесь чтение Священного Писания является той необходимой «пищей», на которой основывается и утверждается вера и надежда христиан. При этом, хотя Тертуллиан и не называет книги, бывшие при употреблении, но он, однако, называет их «Священным Писанием», из чего следует, что основная часть канона Священных Книг Нового Завета уже была общеупотребительна и общеавторитетна, и если еще во II в. наименование «Священного Писания» усваивали лишь книгам Ветхого Завета, то теперь и «воспоминания апостолов» получают такое же ценное название.

¹ Тертуллиан. Творения. Ч.1. – С-Пб: Тип. Фишера, 1847. – с. 80

В другом своем сочинении «Прещение против еретиков», Тертуллиан приводит еще одно свидетельство общецерковного почитания новозаветных писаний наряду с книгами ветхозаветными. Вот что он пишет: «Посетите Апостольские Церкви, где стоят еще поныне на прежнем месте кафедры Апостолов, где, слушая чтение оригинальных их посланий, вы подумаете, что видите их самих, что слышите их голос... (Церковь) приемлет вместе с древним законом и пророками Евангелие и послания Апостолов. Вот источники, откуда почерпает она веру свою» (Прещение против еретиков, 36 гл.)¹.

Тем, кто сомневался в достоверности тех или иных книг Нового Завета, включенных в канон, Тертуллиан предлагает обратиться к живому Преданию (существовавшему еще в то время) тех Церквей, к которым эти книги были написаны самими Апостолами.

В этой же книге («Прещение против еретиков») Тертуллиан указывает на один из критериев, который явился внешним фактором для канонизации истинных христианских книг. А именно, борьба с еретиками, которые не только предлагали для чтения свои собственные книги, подписанные именами апостолов, но и использовали Священное Писание Церкви, искажая и превратно истолковывая его смысл.

«Мы с уверенностью можем утверждать, что еретики не должны быть допускаемы к состязаниям о Священном Писании, потому что и без пособия Писания мы в состоянии доказать, что Писание совершенно для них чуждо; ибо они не могут быть Христианами, будучи еретиками... не будучи же Христианами, они не имеют никакого права пользоваться и книгами Христианскими... Как повреждение учения само собою предполагает порчу книг, хранительниц учения: то нам нельзя было иначе удержать учения в чистоте и прямоте, как сохранив книги во всей их целостности и неприкосновенности... Со времени бытия своего, Писание всегда было за одно с нами: посредством его мы сделались Христианами, прежде нежели

¹ Тертуллиан. Творения. Ч.1. – С-Пб: Тип. Фишера, 1847. – с. 182-183

возникло что-либо вопреки нам, прежде нежели еретики могли повредить Писание» (37-38гл.)¹.

Древность и богодухновенность Священных Книг, которые Церковь всегда использовала как основу и «эталон» своей веры – вот главный фактор истинности Писания Христиан. Отношение к нему должно быть святое и благоговейное, так как слова, изложенные в нем, написаны по вдохновению Духа Святого, и толковать их имеет право лишь Христианская Церковь, хранящая и освящающая своим Преданием эти Книги.

По мере распространения Церкви появилась необходимость в изложении Священного Писания на языках иноязычных христиан. Хотя греческий, на котором были написаны почти все книги Нового Завета (за исключением Евангелия от Матфея) и был в то время культурным и универсальным языком Римской империи, но большая часть народа в провинциях была необразованной, и поэтому такие крупные национальные регионы, как Италия, Египет и Сирия, требовали перевода Священного Писания на местные языки.

«Во II и III веках появились переводы апостольских писаний на латынь и сирийский, а частично — и на коптские диалекты. Своим происхождением они, несомненно, обязаны богослужебным нуждам, поскольку за чтением небольших отрывков на греческом следовал их перевод на понятный язык. Вначале перевод был устным, но вскоре христиане получили и письменный. Собрание переведенных таким образом книг составляло корпус Священного Писания в данных регионах, хотя иногда туда включали книги, не признанные священными повсеместно»².

¹ Тертуллиан. Творения. Ч.1. – С-Пб: Тип. Фишера, 1847. – с. 183-184

² Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библийско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – с. 7

Переводы были двоякого типа: либо в греческой рукописи под каждым словом писали буквальный перевод («подстрочный»), либо перевод писался в столбец, параллельно с греческим текстом, или на развороте листа¹.

Несомненно, что главное употребление этих переводов было богослужebное, причем текст каждой строчки читался на двух языках – греческом и переводном. После чего следовало толкование или проповедь.

Именно в III веке широкое распространение приобретает записывание экзегетических бесед на те или иные книги Священного Писания, читаемые в Церкви. Здесь можно привести лишь одного человека, наиболее известного и плодотворного, чьи толкования Священных Книг занимали несколько сотен томов, к сожалению, не сохранившихся целиком до настоящего времени. Это Ориген, величайший из экзегетов и текстологов Священного Писания, составивший первое критическое издание Ветхого Завета с параллельными текстами наиболее известных в то время греческих переводов – так называемые «Гекзаплы».

Именно в одной из «Бесед» Оригена (Беседа 2 на 1Цар., гл.28) впервые встречается упоминание о богослужebном разделении Священного Писания для чтения на так называемые «перикопы» (греч. *περικοπῆ* – урезывание, раздробление): «Прочитанного очень много; и так как нужно говорить о разделенном на две перикопы, а прочитано по порядку...»².

Как было видно ранее, синагогальная традиция уже знала богослужebное деление Ветхого Завета на «параши» и «гафтары»; в III в. появляется греческий термин для такого деления – «перикопы».

«В толкованиях Оригена заметно, как иногда положенная на определенный день перикопа заставляет его останавливаться на мало благодарных для поучения отделах Писания: родословиях евреев,

¹ Мецгер Б. Текстология Нового Завета. – М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 1996. – с. 270

² Цит.: Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 105

исчислении их станов в пустыне. Это обстоятельство дает основание считать, что в то время деление Писания для богослужения было непрерывным»¹.

Хотя об этом нигде не сказано прямо, тем не менее можно предположить, что такое деление в III в. было распространено уже и на Новый Завет, по крайней мере на «Евангелие».

Упомянув о «перикопах», Ориген в своих «Беседах» приводит богослужебную традицию именно Иерусалимской Церкви, в которой раньше всего могло возникнуть деление Священных Книг Нового Завета на смысловые отрывки, под влиянием синагогального примера чтения Священных Текстов.

«Сохранившиеся от Оригена поучения произнесены им вне Александрии, по преимуществу в Кесарии Палестинской, которая оказалась для него как бы второю родиною, и в которой он, получив сан пресвитера, окончательно поселился, изредка лишь навещая Иерусалим и другие города, в которых так же произносил поучения. Следовательно, те места его проповедей, в которых он так или иначе касается литургии, характеризуют не александрийскую литургию, но литургию других церквей – палестинских»².

Еще одной особенностью III в. являются так называемые «канонические памятники», содержащие в себе правила церковной жизни и благочиния, в том числе описывающие порядок и строй богослужения.

Одним из древнейших памятников, датируемых III веком, является «Завещание (Testamentum) Господа нашего Иисуса Христа», в арабском переводе которого для Коптской Церкви (Арабская Дидаскалия, 35) встречается еще одно упоминание о «перикопах»:

«Место для крещения должно быть сбоку церкви. Чтобы оглашенные, которые в нем, имели возможность слушать перикопы и гимны духовные и псалмы, которые говорятся в церкви»³.

¹ Успенский Н.Д. Лекции по литургике. – ЛДА: Стенограмма, 1946. – с. 77

² Петровский А. Апостольские Литургии Восточной Церкви. – С-Пб.: Печатня С.П.Яковлева, 1897. – с. 148-149

³ Цит. по: Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 89

Это свидетельство указывает на то, что практика «перикопического» чтения Священного Писания на литургии распространяется почти сразу за пределы Иерусалимской Церкви, как наиболее удобная и применимая при общественном богослужении. Отсюда также видно, что в III веке к чтению Священного Писания на литургии допускались и оглашенные, чего еще не было во II в., то есть литургия приобретала разделение на дидактическо-просветительскую и евхаристическо-мистическую части. Однако это разделение еще не было таким радикальным, каким оно стало в IV веке.

«В 45 правиле коптских Апостольских Постановлений мы читаем, что оглашенные могут слушать Евангелие только в том случае, если верующие дадут удостоверение о соответствии их жизни с преподанным учением. Говоря иначе, оглашенные допускались на литургию после предварительного частного знакомства с христианством, и, следовательно, во время начальной подготовки лишались права присутствовать при чтении Евангелия, в силу чего его слушателями оказывались одни только верующие»¹.

«Постановления Апостольские» - еще один канонический памятник. Хотя он содержит следы IV и даже V века, но основу его составляет описание жизни христиан III в. Это эклектический сборник, в котором собрана переработка известных в то время канонических трудов Христианской Церкви. В том числе, во II и VIII книгах находится описание литургии.

Наиболее интересна 2 книга Апостольских Постановлений, в которой подробным образом перечисляются Священные Книги, читаемые на богослужении. Учитывая предыдущее высказывание и язык книги, можно отнести ее к кон. III – нач. IV вв. и, таким образом, это будет первое письменным образом зафиксированное свидетельство о том, какие Книги следует читать на литургии (целиком дошедшее до настоящего времени):

¹ Петровский А. Апостольские Литургии Восточной Церкви. – С-Пб.: Печатня С.П.Яковлева, 1897. – с. 170-171

«В середине же чтец, став на некотором возвышении (амвоне), пусть читает книги Моисеевы и Иисуса Навина, книги судей и царств, книги паралипоменон и книги о возвращении (Ездры и Неемии), сверх сего – книги Иова и Соломона и книги шестнадцати пророков. Когда совершатся два чтения, другой кто-либо пусть поет песни Давидовы, а народ пусть подпевает последние слова стихов. После этого пусть читают Деяния (наши) и послания Павла, (сотрудника нашего), посланные им Церквам по руководству Святого Духа; а после этого диакон или пресвитер пусть читает евангелия... Во время же чтения евангелия все пресвитеры и диаконы, и весь народ пусть стоят в глубоком безмолвии» (Апостольские Постановления, 2, 57)¹.

Здесь также имеется указание на «два чтения» из Ветхого Завета, то есть два отрывка из Книг, читаемых на протяжении всего года непрерывно. А Новый Завет читается уже после Ветхого, что говорит о большем значении и авторитете, который он приобретает в III веке.

В этом свидетельстве также видны ясные указания на произнесение так называемого «прокимна» (греч. πρὸ κειμένου – быть расположенным впереди, предшествовать), то есть псалмических стихов, распеваемых одним человеком и повторяемых всеми верующими. «Прокимен» полагается перед новозаветным чтением, что также говорит о важности и назначении этих Книг.

Необходимо сказать еще и о том, что в III в. происходит литургическая реформа, а именно разделение агапы и евхаристии. Агапа переносится на вечер, совершается при обильном пении псалмов и гимнов, и множестве горящих светильников. Евхаристия же совершается по большей части утром или днем. Причем чтение Священного Писания предшествует Евхаристии и объединяет собой утреннее псалмопение и литургийные молитвы.

Связь между слушанием «Слова Божия» и причащением «Тела Христова» была настолько велика и неразрывно связана, что «Апостольские Правила» (памятник начала III в.) строго предписывают (правило 9):

¹ Постановления Апостольские. – Казань: Губернская Тип., 1864. – с. 89-90

«Всех верных, входящих в церковь и писания слушающих, но не пребывающих на молитве и святом причащении до конца, как бесчиние в церкви производящих, отлучать подобает от общения церковного»¹.

Итак, как было отмечено выше, чтение в III веке еще было непрерывным, то есть все имеющиеся в наличии у общины Священные Книги прочитывались постепенно по небольшим отрывкам на каждом богослужении в течение всего года. Однако, как отмечает проф. Ф.Смирнов, с появлением Пасхального предуготовительного поста в III в., появляется и ряд чтений, специально отобранных для данного события.

«Начальница церковного года, Пасха, с ее предпразднеством и попразднеством, необходимо стала и исходным пунктом для образующегося цикла чтений. И хотя в древней Церкви, по всей вероятности, было в обычае чтение непрерывное, то есть читалась целая библейская книга, по прочтении которой следовало такое же непрерывное чтение другой книги и так далее, а не избранные, раз навсегда к известному времени приспособленные отделы, однако выбор как известных отделов, так и целых книг применительно к известному времени должен был возникнуть сам собою, как скоро праздничные времена стали образовываться в церковный год и с тем вместе вызвали естественную потребность приспособления чтений к обстоятельствам времени»².

Наиболее вероятней, что такой отбор специальных «перикоп», назначаемых для чтения в предпасхальные дни, возник прежде всего в Палестине – месте наибольшего памятования о последних днях земной жизни Спасителя. Косвенным подтверждением этому служит высказывание Оригена в толковании на Книгу Иова (На Иов. кн., 1), которую он выделяет как специально читавшуюся во дни предпасхального поста:

«В церковном собрании читается страдание Иова во святые дни, в дни поста, в дни воздержания, в дни, в которые как бы состраждут тому чудному

¹ Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 20

² Смирнов Ф. Богослужение христианское со времени Апостолов до IV в. – Киев: Тип. С.Т.Еремеева, 1876. – с. 200

Иову постящиеся и воздерживающиеся, в дни, в которые постом и воздержанием мы следуем святому страданию Господа нашего Иисуса Христа... Не без основания и теперь в дни страдания, в дни освящения, в дни поста читается страдание блаженного Иова, над ним размышляют, его непрестанно исследуют»¹.

Примечательно, что эта книга читается до сих пор в Церкви на Страстной седмице. Что же касается других праздников, Богоявления и Пятидесятницы, получивших общее распространение в III в., то о специально положенных на них чтениях Священного Писания ничего не известно. Пасхальное же чтение будет рассматриваться отдельно.

Относительно того, кто читал на богослужении Священное Писание, то свт. Киприан Карфагенский в одном из своих писем (сер. III в.) указывает для этого должность «чтеца», подтверждая более раннюю практику Церкви. Вот что он пишет:

«Заблагорассуждено, чтобы он (исповедник Аврелий) начал с должности чтеца: тому, чей голос со славою исповедал Господа, наиболее прилично возглашать Божественное чтение при торжественном богослужении – после возвышенных слов, провозвестивших мученичество за Христа, читать Христово Евангелие, которое производит мучеников, - после позорного столба подойти к аналою» (Письмо 30. К карфагенскому клиру о посвящении Аврелия в чтецы)².

Однако «Апостольские Постановления» предписывают чтение Евангелия диакону или пресвитеру, оставляя чтецу Ветхий Завет и послания Апостольские. Но это, как кажется, практическая традиция уже IV века.

Что касается проповеди, то в III веке, в связи с исчезновением института учителей и апостолов, право проповедничества на литургии усваивается уже за одними пресвитерами, что можно ясно увидеть на жизненном примере того же Оригена. Будучи еще мирянином, он преподавал

¹ Цит. по: Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 105

² Киприан, еп. Карфагенский. Творения. – М.: Паломник, 1999. – с. 487

в Александрийском Огласительном Училище и имел такую популярность, что «тьма еретиков и немало самых знаменитых философов стекались к нему и ревностно изучали не только богословие, но и мирскую философию... Сами эллины объявили его крупным философом» (Церковная история, 6.18)¹. Но когда дело дошло до церковной проповеди в Палестинских епархиях, то на него стали поступать жалобы от завистников, которые обвиняли его в том, что он, будучи мирянином, дерзает проповедовать с амвона. Это собственно и послужило главной причиной его рукоположения во пресвитера Кесарийским и Иерусалимским епископами, вопреки Александрийскому, который воздвиг на него за это гонение, из-за чего Ориген был вынужден переселиться в Палестину.

Подводя итог развитию «литургического канона» в III в., следует отметить, что этот период явился важным этапом реформирования христианского богослужения, так как основные моменты литургических традиций, зафиксированных письменно и закрепленных практикой Церкви в то время, явились незыблемыми основами богослужебного творчества для ведущих отцов-литургистов IV века. А принципы и методы чтения Священных Книг, вводимые в то время, существуют в Православной Церкви до сих пор.

Что касается итогов всей главы, то мы с достоверностью рассмотрели и убедились в том, что как для ветхозаветного Израиля, так и для новозаветной Церкви, Священные Книги, написанные боговдохновенными мужами и освященные авторитетом богослужебного применения, являлись не только кодексом законов, но и живым «словом» Божиим, произносимым вслух во время священнодействия. Сама «Библия» никогда не рассматривалась христианами как «внешний» по отношению к литургии текст, но изначально воспринималась написанной сугубо для культового употребления, а потому и

¹ Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – с. 268

была неразрывно связана с еще одним важным элементом богослужения – проповедью для толкования мистического смысла этого текста.

И если в первом и во втором веках по Рождестве Христовом Священным Писанием именовались сугубо книги Ветхого Завета, то уже с середины второго века «писания Апостолов» также приобретают статус «богодухновенных» книг, занимая более важное не только богословское, но и литургическое значение для Церкви. При этом сам Ветхий Завет не утрачивает своего авторитета даже для языко-христиан, так как книги обеих Заветов написаны были по вдохновению одного и того же Святого Духа. Наряду с этим великое множество других «евангелий», «посланий» и «апокалипсисов», которые не были «одного духа» с писаниями Апостолов и пророков древности, были отнесены Церковью к категории «апокрифов», и до сих пор они не имеют никакого богослужебного употребления.

ГЛАВА II. БОГОСЛУЖЕБНАЯ ЛЕКЦИОНАРНАЯ СИСТЕМА В ЭПОХУ ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

2.1. IV век – составление «канонических» сборников.

Приступая к рассмотрению богослужебного употребления Священного Писания в IV в., следует кратко коснуться главных изменений в жизни Церкви. Связаны они были с несколькими именами и событиями.

Прежде всего, это Миланский эдикт (313 г.) о веротерпимости и царствование имп. Константина Великого (306-337 гг.), который покровительствовал христианам, строил множество храмов и заботился о государственном и церковном благочинии. По инициативе императора был созван I Вселенский Собор (325 г.) и основана новая столица Римской империи. При нем же Элия Капитолина была вновь переименована в Иерусалим, а стараниями его матери, августы Елены, были найдены Гроб Господень, Честное Древо Животворящего Креста и воздвигнуты многие храмы в памятных местах Палестины, связанных с земной жизнью Христа и Богородицы.

Христианская Церковь, по принципу государства, получает деление на диоцезы или митрополии, с центрами в крупных и исторически значимых городах.

К концу IV века в империи возвышаются 5 главных архиепископских кафедр, занимающих приоритет Поместных Церквей и впоследствии ставших патриархатами: Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим. Первые 3 города являлись также государственными центрами Римской империи, постоянно друг с другом соперничающие и конкурирующие.

Но прежде чем перейти к рассмотрению памятников литургического употребления Священного Писания Нового Завета, необходимо коснуться

еще одного важного события, случившегося в IV в., а именно официальной церковной канонизации новозаветных Книг, которая постепенно происходила в разных Поместных Церквях и совершилась *de facto* ко времени II Вселенского Собора (381 г.).

В церковно-исторических документах имеется ряд постановлений Поместных Соборов с перечнем канонических книг, а также списки Священного Писания в творениях некоторых писателей того времени и посланиях некоторых отцов. Самые ключевые необходимо привести, так как канонизация Священных книг имела две главных причины: 1) чистоту содержащегося в книгах учения необходимо было оградить от еретических «плевел»; 2) литургическое употребление этих книг, как официальных источников церковного вероучения.

Прежде всего, следует привести свидетельство церковного историка Евсевия, епископа Кесарии Палестинской, который писал свою «Церковную историю» ок. 315-320гг. Его очень волновало расхождение и разное отношение Церквей к «канону» Новозаветных Книг; ему хотелось унифицировать список Священных Текстов с тем, чтобы во всей Церкви было единоличное мнение относительно Священного Писания Нового Завета. Но он, однако же, как историк, дает перечень Книг, разделяя их на три категории, относительно их признания и литургического употребления разными Церквями:

«Перечислим уже известные нам книги Нового Завета. На первом месте поставим, конечно, святую четверицу Евангелий, за ней следуют Деяния апостолов; потом Павловы Послания, непосредственно за ними – первое Иоанново и бесспорное Петрово, а потом, если угодно, Апокалипсис Иоанна, о котором в свое время поговорим. Это книги бесспорные» (Церковная история, 3. 25)¹.

¹ Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – с. 124

Беспорные в смысле исторической достоверности и литургического употребления всеми Церквами. За исключением «Апокалипсиса» Иоанна, который сам лично Евсевий не принимает, но и не может его прямо отвергать, так как он употреблялся некоторыми авторитетными Церквами. «Мнения об Апокалипсисе расходятся и доныне. В свое время и они подвергнуты будут суду на основании свидетельства древних» (3. 24)¹.

Примечательно и то, что Евсевий не перечисляет Павловы послания и даже не называет их количество, а это значит, что в большинстве Церквей использовались кодексы с известным и общепринятым количеством посланий ап. Павла, поэтому для перечисления их у Евсевия не было нужды.

Выражение Евсевия: «Непосредственно за ними – первое Иоанново и бесспорное Петрово, а потом, если угодно, Апокалипсис Иоанна», дает повод задуматься, что Евсевий сравнивал несколько кодексов со Священными Книгами, употреблявшихся в разных Церквах (можно предположить, в Малоазийских, Палестинских и Египетских), и давал их сравнительный анализ, предлагая читателю самому разбираться в том, какой точки зрения ему следует держаться.

Далее он пишет: «Среди оспариваемых, но большинством принятых: Послания, именуемые одно Иаковлевым, другое Иудиным, и второе Петрово, также второе и третье Иоанновы: может быть, они принадлежат евангелисту, а может быть, какому-то его тезке» (Церковная история, 3. 25)².

«Принятые большинством» - вероятно Церквами, имеющими иудео-христианское происхождение, но оспариваемые некоторыми греческими богословами, сомневающимися в подлинности их авторства, в том числе и самим Евсевием (который жил, однако же, в Палестине).

Таким образом, нашему взору представляется картина относительно богослужебного употребления Священных Книг Нового Завета в нач. IV в., до I Вселенского Собора, представленная историком Евсевием Кесарийским.

¹ Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – с. 124

² Там же, с. 124 – 125

Он один из первых свидетелей IV в., классифицирующих новозаветные Книги по принципу их церковного употребления и, следовательно, каноничности.

Однако после I Вселенского Собора ситуация меняется. В правилах этого Собора нет и упоминания о том, какие книги следует читать в Церкви, однако невозможно допустить, чтобы Отцы, собравшись вместе для установления церковного единства, не затронули вопроса о каноничности новозаветных Писаний, хотя относительно Пасхальной даты вопрос был урегулирован.

Примечательно и то, что правила I Вселенского Собора ссылаются на так называемые «Правила Святых Апостолов» как на «правила Церковные» (2 правило I ВС)¹. А одно из этих правил (85) дает перечень книг для чтения клира и мирян, абсолютно неизвестный такому знатоку истории и фактографических документов, как Евсевий.

Вот что там написано: «Для всех вас, принадлежащих клиру и мирян, чтимыми и святыми да будут книги... Нового Завета – Евангелия четыре: Матфея, Марка, Луки, Иоанна. Павловых посланий четырнадцать. Петра послания два. Иоанна три. Иакова одно. Иуды одно. Климента послания два. И постановления вам Епископам (мною) Климентом изреченные в восьми книгах, (которые не подобает обнародовать пред всеми ради того, что в них таинственно), и Деяния (наши) Апостольские» (85 правило Святых Апостолов)².

Как видно было ранее, Евсевий в своем перечне вовсе не упоминает о посланиях Климента Римского и «Постановлениях Апостолов». В другом месте своей «Истории» он лишь указывает: «Климент свое Послание, всеми признанное (как исторически достоверное – Прим. авт.), написал Коринфской Церкви от лица Римской... следует знать, что Клименту приписывают и другое Послание, но мы знаем, что оно не так известно, как

¹ Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 36

² Там же, с. 33

первое, и в древности его не знали» (3. 38)¹. Чтобы включать эти послания в список канона и ставить их в один ряд с апостольскими – у Евсевия не может быть и речи.

Таким образом, можно предположить, что 85 правило Святых Апостолов появилось после написания Евсевием своей книги и было, вероятно, составлено вскоре после I Вселенского Собора, причем имело западное (Римское) происхождение.

В виду всего этого стоит привести еще одно правило – Лаодикийского Поместного Собора (ок. 364 г.). Оно гласит: «Не подобает в Церквах произносить псалмы не священные, или книги не определенные правилом, но только в правилах (греч. та канонικά) означенные книги Ветхого и Нового Завета» (59 правило)².

«Это постановление с незначительными изменениями присутствует во всех отчетах о Соборе. Однако в более поздних рукописях за ним следует список ветхозаветных, а затем и новозаветных книг. Последняя часть совпадает с нынешним канонам за исключением Апокалипсиса. Поскольку в большинстве латинских и сирийских версий этого документа списков нет, большинство ученых считает, что их прибавили после 363 г. Вероятно, какой-нибудь редактор решил, что необходимо поименовать книги, которые можно читать. Как бы то ни было, ясно, что Лаодикийский собор не сделал никаких попыток утвердить новый канон. Постановление, принятое на нем, просто признает, что определенные книги повсюду признают достойными того, чтобы их читали во время церковного богослужения, и книги эти известны под названием "канонических"»³.

Перечень этот почти целиком повторяет список книг 85 Апостольского правила (за исключением Послания Климента и Апостольских Постановлений), правда в ином порядке. Порядок этот был, вероятно,

¹ Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – с. 139

² Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 140

³ Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библийско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – с. 207

установлен несколько ранее и зафиксирован в изданных при имп. Константине «Кодексах», которые тот повелел создать для новопостроенных храмов Константинополя.

Об этом событии так же пишет Евсевий в биографической книге об императоре Константине. Он приводит письмо, в котором василевс обращается к нему с просьбой (ок. 335 г.):

«Победитель Константин, великий Август – Евсевию: В одноименном нам городе, по промыслению Спасителя Бога, святейшая Церковь приобрела вновь очень много людей. С быстрым же умножением верующих оказывается весьма нужным и умножение церквей... Нам заблагорассудилось объявить твоему благоразумию, чтобы ты приказал опытным, отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте пятьдесят томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления. В этих томах должно содержаться божественное Писание, которое, по твоему разумению, особенно нужно иметь и употреблять в Церкви» (Письмо Константина к Евсевию о списывании божественных книг. Кн. 4, гл. 36)¹.

Многие ученые расходятся во мнениях относительно вопроса, какие книги включил Евсевий в эти тома. Некоторые предполагают связь двух сохранившихся кодексов IV в. (Синайского и Ватиканского) с изданиями Евсевия.

Но, во-первых, эти кодексы содержат почти целиком Ветхий и Новый Завет, а в задачи Евсевия не входило издавать все книги Библии, а лишь те, которые «особенно нужно иметь и употреблять в Церкви». То есть Евсевий составлял «прототипы» так называемых «лекционариев» (лат. *lectio* – чтение) (сборники текстов, предназначенных только для церковного чтения), с теми лишь Священными книгами, которые, как он считал, необходимы для чтения за литургией, а точнее, выразил в своих сборниках идею отбора литургически необходимых текстов Священного Писания.

¹ Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. – М.: Labarum, 1998. – с. 158-159

Во-вторых, вполне вероятно, что Евсевий не включил в свои сборники таких книг, как «Апокалипсис» Иоанна Богослова, и уж тем более «Послание Варнавы» и «Пастырь» Ерма, которые он считал «подложными» (Церк. ист. 3. 25), но которые находятся в Синайском кодексе.

А архим. Порфирий (Успенский) считает Синайский кодекс принадлежавшим Александрийскому огласительному училищу, так как он не употреблялся в богослужении¹.

Неизвестно, сколько было Соборных посланий, и в каком порядке они стояли. Несомненно лишь то, что кодексы Евсевия имели важное значение для Константинопольской Церкви, и вообще всей Малой Азии.

Вероятно поэтому такие святые отцы из Каппадокии (область в Малой Азии) как Григорий Богослов и Амфилохий Иконийский в своих перечислениях Священного Писания во многом следуют за порядком книг, представленном Евсевием в своей «Истории» и безусловно отраженном в изданных им кодексах.

Свт. Григорий Богослов в кон. IV века в Слове «о том, какие подобает читать книги Ветхого и Нового Завета», после перечисления ветхозаветных Писаний пишет: «После сего счисляй книги и Нового Таинства. Матфей писал о чудесах Христовых для Евреев, а Марк для Италии, Лука для Ахаии. Для всех же Иоанн, великий проповедник и небошествователь. Потом следуют Деяния мудрых Апостолов, четырнадцать посланий Павла. Семь Соборных, из которых одно Иакова, два Петровы, далее три Иоанновы, седьмое же есть Иудино, так имеешь все. Если же какие сверх сих, не принадлежат к признанным»².

В перечислении свт. Григория Соборные послания стоят после Павловых, и все семь посланий он считает каноническими. Апокалипсис же, в котором сомневался и Евсевий, Григорий также не включает в состав «признанных» книг.

¹ Порфирий (Успенский), архим. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. – С-Пб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1856. – с. 226

² Цит. по: Каноны или Книга Правил. – Мюнхен: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 284

Примечательно и то, что 60 правило Лаодикийского Собора дает иной порядок Книг, а именно послания Павла помещает после Соборных, и если бы свт. Григорий был знаком с этим правилом, как с Соборным постановлением, то вероятно, тоже придерживался бы такого счисления в своем «Слове».

Несколько более критичней к содержанию «канона» относился свт. Амфилохий, еп. Иконийский, в своем послании к Селевку (ок. 394 г.). Он практически пересказывает «Историю» Евсевия за одним исключением: послание Иакова он считает каноническим и поставляет его первым в ряду Соборных. Вот что он пишет: «Подобает ведать и сие, что не всякая книга, стяжавшая досточтимое имя Писания, есть достоверная. Ибо бывают иногда книги лжеименные, иные средние и, так сказать, близкие к словесам истины, а другие подложные и обманчивые, подобно как поддельные и подложные монеты, которые хотя имеют надписание царское, но, по веществу своему, оказываются ложными. Посему наизмену тебе каждую из Богодухновенных книг... Приемли четырех только Евангелистов, Матфея, потом Марка, к сим присоединив третьего Луку, Иоанна числи четвертым по времени, но первым по высоте догматов... Приемли и вторую книгу Луки: соборных Деяний Апостольских. К сим потом присовокупи сосуд избрания, проповедника и апостола язычников, Павла, премудро написавшего Церквам четырнадцать посланий: одно к Римлянам, к которому должно сопричислить два к Коринфянам, к Галатам, к Ефессянам: за сим к живущим в Филиппах, потом написанное к Колоссянам, к Фессалоникийцам два, к Тимофею два, к Титу и Филимону, к каждому одно, и одно к Евреям. Его неподлинным некоторые называют не хорошо: ибо в нем благодать истинная. Что напоследок скажу о Соборных посланиях? Иные глаголют, яко семь их принимать должно, а иные, что только три: одно Иакова, одно Петрово и одно Иоанново. Некоторые же приемлют три Иоанновых, и кроме этих два Петровых, и седьмое Иудино. Откровение же Иоанново иные причисляют к священным

книгам, а многие называют неподлинным. Сей да будет неложнейший канон Богодухновенных Писаний»¹.

Свт. Амфилохий, так же как и свт. Григорий, в своем перечне Священных Книг отдает предпочтение посланиям ап. Павла и поставляет их на первое место в ряду посланий Апостольских. И это не удивительно, так как апостол Павел был наиболее почитаем и в Малой Азии, и в Греческих Церквах, как первый миссионер и главный просветитель тех земель. Тем более что большинство его посланий были написаны как раз в те области, которые вошли впоследствии под юрисдикцию Константинопольского патриархата. По поводу же некоторых Соборных Посланий и Апокалипсиса в кон. IV в., как видим, в той местности проходили еще споры.

Однако в Церквах Палестины канон был более устоявшимся. Еще в сер. IV в. (ок. 350 г.) в своих «Огласительных поучениях» свт. Кирилл Иерусалимский уже не сомневается в подлинности и богодухновенности всех семи Соборных посланий, причем и ставит их прежде Павловых, как имеющих большую значимость и авторитет в Иерусалимской Церкви.

«Те одни книги изучай, которые свободно читаем и в церкви. Гораздо благоразумнее и благоговейнее тебя были Апостолы и древние епископы, предстоятели Церкви, которые предали книги сии (Ветхого Завета)... В новом же завете: Евангелий только четыре, а прочие надписываются ложно и вредны. И Манихеи написали Евангелие от Фомы, которое, будучи прикрашено благоуханием евангельского именованья, растлевает души людей простых. Принимай и Деяния двенадцати Апостолов; сверх того семь соборных посланий Иакова, Петра, Иоанна и Иуды, печать же всего и окончательное дело учеников – четырнадцать посланий Павловых. А все прочее да будет положено вне, на втором месте. Что не читается в церкви, того не читай и наедине, как уже слышал о сем» (Огласительное слово 4, о десяти догматах. 35, 36)².

¹ Цит. по: Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 285-286

² Кирилл Иерусалимский. Творения. – С-Пб.: Изд. П.П. Сойкина, б.д. – с. 65-66

Из этого отрывка видно, что Апокалипсис, также как и другие «неканонические» книги в сер. IV века не употреблялись при богослужении Иерусалимской Церкви.

Говоря о Восточных Церквах, необходимо упомянуть и еще одно важное свидетельство, возможно единственное в пользу «Откровения» Иоанна Богослова. Это «Пасхальное послание» свт. Афанасия Александрийского, адресованное им в 367 г. Египетским Церквам. В нем он дает точный список Священных Книг Нового Завета, количество которого сохранилось до сих пор. И это не удивительно, так как авторитет свт. Афанасия, величайшего борца с арианством, был настолько огромен в нач. V века, что, скорее всего, его послание в конце концов явилось решающим при утверждении списка Священного Писания Нового Завета в Библии.

Прежде чем перечислить Священные Книги, свт. Афанасий делает внушительное вступление о причинах, побудивших его на это: «Поскольку некоторые дерзают составлять для себя книги, именуемые тайными, у Греков же называемые апокрифическими, и смешивают их с Писаниями, изреченными в Духе, - относительно которых от Отцев установлено то, как сохранились они до них и преданы теми, кои первоначально были самовидцами и служителями Слова; то рассудилось и мне, по просьбе верных братьев, с ручательством за истину тем, чему научен я прежде, составить каноническое определение о том, какие Божественные Писания преданы и вверены святой Церкви; - пусть все заблуждавшиеся могут обличить введших их в заблуждение; а те, которые пребыли в чистоте, опять порадуются упоминанию о них...

Книги Нового Завета суть следующие: четыре Евангелия – Матфея, Марка, Луки, Иоанна; а потом Деяния Апостолов и семь посланий, которые суть: Иакова одно, Петра же два, затем Иоанна три, а за ними Иуды одно; после сих, посланий Павла четырнадцать, расположенных в следующем порядке: первое – к Римлянам, потом к Коринфянам два, а после сих к Галатам одно и потом к Ефесянам одно и еще к Филиппийцам одно, а также

к Колоссянам одно; потом же за сими – к Фессалоникийцам два, затем к Евреям одно и еще к Тимофею два, к Титу одно и последнее к Филимону; а также Откровение Иоанна»¹.

В этом списке послание к Евреям стоит после 2 Фессал. и перед частными посланиями, так как оно имеет общий характер и в связи с этим, возможно, свт. Афанасий поставил его в один ряд с посланиями ап. Павла общего содержания.

Что касается Западной Церкви, то необходимо выделить имя блж. Иеронима Стридонского, который в 384 г. сделал перевод Священного Писания на латинский язык (так называемая «Вульгата»), которым католики пользуются до сих пор. В списке его книг присутствуют все 27, только соборные послания расположены после Павловых.

Итак, кратко рассмотрев основные свидетельства IV века о том, какие Книги Нового Завета читались за церковным богослужением, можно перейти к следующему вопросу: когда они читались и как?

Говоря о богослужении IV в., нужно упомянуть, прежде всего, о различии традиций разных Церквей, с одной стороны, и об унификации обрядовости священнодействий вокруг митрополичьих кафедр и крупных монастырей, с другой. Такое единообразие богослужебных форм являлось гарантом и мерилom церковного единства в период суровой борьбы со многими ересями, уже не гностического (философски-мистического), а догматического (богословского) характера, главной из которых было арианство.

Именно в IV веке появляются так называемые «Ευχολόγοι» (греч. молитвословы), содержащие чинопоследования и молитвы, закрепленные церковным авторитетом для вероучительной неизменности. Древние литургические чины фиксируются письменно, некоторые редактируются, либо составляются новые.

¹ Афанасий Великий. Творения. Ч.3. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. – с. 519-520

Чтение Священного Писания остается обязательной принадлежностью каждой литургии. Другое дело, что литургия в IV веке еще не совершается каждый день, а лишь по воскресным, субботним и праздничным дням. Более того, как видно из 16 правила Лаодикийского Собора: «В субботу читать и Евангелие с другими писаниями»¹, можно заключить, что до середины IV века в Малоазийский Церквах по субботам читался только Ветхий Завет.

А то, что Ветхий Завет еще читался в IV веке наряду с Новым, можно вывести из косвенного свидетельства свт. Василия Великого (О крещении, беседа 13): «Там была проповедь одного человека – Иоанна, и всех влекла к покаянию; а тебя учат пророки: «измойтесь, чисти будите» (Ис. 1.16); тебя вразумляют псалмы: «приступите к Нему, и просветитесь» (Пс. 33.6); тебе благовествуют Апостолы: «покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя (Господа) Иисуса Христа во оставление грехов, и примете (обетование) Святаго Духа» (Деян. 2.38); тебя приглашает к себе Сам Господь, говоря: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11.28); ибо все это предлагалось ныне в чтении»².

Эта беседа была произнесена в один из воскресных дней Великого Поста и в ней находится упоминание о чтении за литургией книги пророка Исаии, пении (или чтении - ?) 33 псалма, а также чтений из Деяний и Евангелия.

Есть еще одно свидетельство, касающееся Египетского монашеского богослужения. Оно принадлежит прп. Иоанну Кассиану Римлянину, который, описывая уставы египетских монастырей, замечает: «Собор (Египетских монахов)... определил, чтобы как в вечерние, так и полуночные собрания было прочитываемо по 12 псалмов; ... (и) присовокупил, чтобы желающие непрестанно размышлять о Священном Писании к сему присоединяли два чтения – одно из Ветхого, а другое из Нового Завета, в субботы же и воскресные дни, равно как и в Пятидесятницу, два чтения –

¹ Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 134

² Василий Великий. Творения. Ч.4. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. – с. 193-194

одно из апостольских посланий или Деяний, а другое из евангелий» (О поставлениях киновитян. 2, б)¹.

Здесь важна его фраза: «Желающие непрестанно размышлять о Священном Писании», которая говорит более об исключении, нежели о правиле чтения Священного Писания в будние дни, так как литургия в эти дни не совершалась, а лишь монашеское богослужebное правило, состоящее из чтения 12 псалмов.

Прп. Иоанн также указывает на присутствие двух Новозаветных чтений во время литургии, наряду с чтением из Ветхого Завета. На такую же самую практику указывает и «Беседа» свт. Василия Великого, как было отмечено выше.

Но блж. Иероним Стридонский в одном из своих писем (К Евстохии. О хранении девства, 21) говорит уже более конкретно о практике ежедневного чтения Священного Писания в Египетских киновиях, существовавшей в 380-х годах, тогда как прп. Иоанн описывает в своем труде традицию времен появления Египетских монастырей (сер. IV в.).

«Дни воскресные посвящаются только молитве и чтению; впрочем, киновиты делают то же самое и во всякое время по окончании трудов. Каждодневно читается что-нибудь из Писания»².

Аналогичный случай приводит и Сократ в своей «Церковной истории» (5. 22), описывая традицию Александрийской Церкви: «Александрийцы в четверг и в так называемый день приготовления (пятницу) читают Писание, а учителя объясняют его. В эти дни совершается все, что обыкновенно бывает в собраниях, кроме тайн (Евхаристии) – и такой обычай в Александрии ведется из древности, ибо известно, что еще Ориген учил особенно в эти дни»³.

¹ Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – с. 16

² Иероним Стридонский. Творения. Ч.1. – К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1893. – с. 138-139

³ Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – с. 230

Однако пример этот историк приводит как что-то исключительное, свойственное только Церкви Египетской, в остальном же мире чтение Священных Текстов было приурочиваемо к совершению Божественной Литургии, совершаемой лишь в субботу, воскресенье и другие немногочисленные в то время праздничные дни.

Поэтому еще один литургический памятник кон. IV в., «Паломничество по святым местам», приписываемый Сильвии Аквитанке, ничего не говорит о Евангельских чтениях в седмичные дни в Церквях Палестины. Но, вместе с тем, «Сильвия» не упоминает о чтениях и на самой литургии в день воскресный, довольствуясь лишь кратким замечанием: «Когда совершится литургия в церкви, по обыкновению, соблюдаемому везде» (25)¹.

Дело в том, что в задачи автора «Паломничества» не входило описание богослужения, известного всем; автор подмечала лишь особенности Иерусалимского богослужения, и поэтому вовсе умолчала о чине литургии, хорошо известной и похожей на литургию Церкви Римской или Галльской, откуда предполагается возможное проживание и происхождение автора.

Но с другой стороны, «Сильвия» описывает интересный факт – появление чтения «Воскресного» Евангелия на утреннем богослужении в воскресный день.

Вот что она пишет: «Существует такой обычай, что до пения петухов святые места не открываются. А как только пропоет первый петух, тотчас сходит епископ и входит внутрь пещеры в Воскресении (храме). Открываются все двери, и весь народ входит в Воскресение: там уже горят бесчисленные лампы, и, как только войдет народ, кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают; затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из дьяконов, и подобным же образом произносится молитва; поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва, и совершается поминовение всех (ектения). После пения этих трех псалмов и произнесения трех молитв, в пещеру Воскресения вносятся кадильницы, так

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 143

что вся базилика Воскресения наполняется благоуханием. И тогда епископ становится за преграду, берет евангелие и подойдя к дверям, сам епископ читает о Воскресении Господнем. И когда начинается это чтение, все поднимают такой крик и стон, проливается столько слез, что даже самый бесчувственный человек не может не быть тронут до слез, припоминая, что Господь претерпел за нас столько страданий. По прочтении евангелия, епископ выходит и сопровождается при пении песней к Кресту (храму), и весь народ идет с ним. Там снова поется один псалом и произносится молитва. После этого он благословляет верных, и бывает отпуст» (24)¹.

Это первое упоминание о чтении Евангелия на воскресной утрени, восходящее к IV в., указывает на источник происхождения круга 11 «воскресных евангельских зачал». Причем в Иерусалиме, как видно из описания, читалось целое повествование о страданиях, смерти и воскресении Спасителя.

В «Паломничестве» описан еще один интересный благочестивый обычай, существовавший у пилигримов: прочитывать в памятных местах отрывки Священного Писания, исторически относящиеся к данному месту или событию. «Сильвия» много раз упоминает об этом обычае, изображая его очень похожим по форме и смыслу на современные так называемые «молебны» - краткие последования молитвословий, которые могли совершаться как духовенством, так и частными лицами.

Вот одно из описаний (10): «Когда мы прибыли на равнину (на которой Моисей благословил сынов Израилевых перед своей кончиной – прим. авт.), мы пришли на это место и произнесли там молитву; прочли на этом месте также и некую часть Второзакония, равно как и песнь Моисея и благословения, которые он произнес над сынами Израилевыми. И после чтения была еще раз произнесена молитва и, возблагодарив Бога, мы тронулись оттуда. У нас было постоянно обыкновение, когда мы прибывали

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 142-143

на желаемое место, прежде всего произносить там молитву, затем прочитывать место из писания, также как и один псалом, относящийся к событию, и произносить второй раз молитву. Это обыкновение мы, по повелению Божию, соблюдали всегда, когда могли прибыть в желаемые места»¹.

Что касается праздничных чтений Священного Писания, то «Сильвия» описывает традицию Иерусалимской Церкви приурочивать отрывки из Священных Книг к местам и событиям, воспоминаемым Церковью.

Так, например, относительно праздника Сретения «Паломничество» (26) повествует: «Четыредесятый день от Богоявлений празднуется здесь с большою честью. В этот день служба бывает в Воскресении и все служат, и все совершается по порядку с величайшим торжеством, как бы в Пасху. Проповедуют все пресвитеры и потом епископ, толкуя всегда о том месте евангелия, где в четыредесятый день Иосиф и Мария принесли Господа в храм, и узрели его Симеон и Анна пророчица, дочь Фануила, и о словах их, которые они сказали, узрев Господа, и о приношении, которое принесли родители»².

Безусловно, проповедь полностью зависела от евангельского чтения, читавшегося в этот день, и читаемого до сих пор за литургией на праздник Сретения Господня.

Описывая Пятидесятницу, «Сильвия» указывает на несколько чтений в этот день, происходивших в разных местах:

1) В храме Воскресения Христова, епископ читает «то место евангелия, которое всегда читается в день воскресный, то есть о воскресении Господа» (43)³. Но это бывает на Всенощном бдении.

2) В церкви на Сионе читается «то место из деяний апостолов, где сошел Дух, так что они понимали все языки, которыми говорили» (43)⁴. Это

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 118

² Там же, с. 146-147

³ Там же, с. 164

⁴ Там же

чтение происходит за литургией, которая совершается уже вторая в этот день.

3) На горе Елеонской, на месте вознесения Господа, «бывают чтения, попеременно поются песни, поются и антифоны, приличествующие дню и месту; молитвы, которые вставляются, всегда имеют такое содержание, что подходят ко дню и месту; читается также и то место из евангелия, где говорится о вознесении Господа на небо по воскресении» (43)¹. Здесь содержится указание на «чтения» ветхозаветные и отдельно на «место» из Евангелия.

Вообще же «Сильвия» отмечает главную особенность Иерусалимской Церкви относительно праздничных дней и богослужебных чтений, которая впоследствии была одобрена и усвоена всеми Церквями – это историческая память, связывающая библейский текст и празднуемое событие.

«Приятнее всего и наиболее примечательно здесь (в Иерусалиме – прим. авт.) то, что всегда, как песни, так и антифоны и чтения, а также и молитвы, произносимые епископом, читаются так, что всегда оказываются приспособленными и подходящими ко дню, который празднуется, и к месту, где совершается служба» (47)².

«Начало принаровления к месту и времени, судя по описанию путешественницы, весьма широко было распространено в иерусалимском богослужении IV века. Вследствие этого, богослужение, в сущности весьма простое и однообразное по своему строю и внешней форме, было весьма обильно и разнообразно по своему содержанию. Путешественнице весьма нравится это, и она неоднократно обращает на это внимание, как на нечто особенно важное и замечательное»³.

Историческая память – это один из трех принципов, определяющих ход и структуру чтений Священного Писания. Другой принцип существовал еще

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 165

² Там же, с. 171

³ Красносельцев Н. Богослужение Иерусалимской Церкви в конце IV в. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1888. – с. 44-45

ранее – это последовательное чтение за рядом литургий книг Священного Писания, разделенных на смысловые отрывки («перикопы»).

Третий принцип – смысловая (аллегорическая) связь Священных Текстов и празднуемого памятного события в то время только зарождался. Да и то, прямых указаний на это в IV в. не имеется.

Что касается обрядовой оформленности чтений, то в IV в. уже появляются специальные молитвы перед чтением Священного Писания. Одна из таких молитв, например, находится в «Евхологии» свт. Сарапиона, еп. Тмуитского (Египет), и звучит так (Молитва первая воскресенья):

«...Молю же, Духа Святаго пошли в нашу мысль и дай нам изучить Божественные Писания от Святаго Духа и истолковать ясно и достойно, чтобы весь присутствующий народ получил пользу чрез Единородного Твоего Иисуса Христа, во Святом Духе, чрез Которого Тебе слава и держава, и ныне и во вся веки веков. Аминь»¹.

Аналогичные молитвы появляются и в других литургических чинах IV в., например, в литургии ап. Иакова, брата Господня (Палестина), зафиксированной в одной из древних рукописей (Сицилийской):

«Благодарим Тебя, Господи, воссиявшего нам свет из мрака и открывшего очи ума нашего к разумению чудных дел Твоих и отверзшего уста наши к исповеданию грехов наших и к исполнению заповедей Твоих. Сам и ныне, Владыка, прими молитву нас грешных и благодарных рабов Твоих и не презри моления нашего, но сохрани в нас славу Твою, и пришедших и молящихся вместе с нами, и воссияй в сердцах наших и их свет божественных речений евангелия Христа Твоего»².

Примечательно, что в самых ранних рукописях литургии свт. Василия Великого, молитва перед чтением евангелия отсутствует. Та же, которая

¹ Дмитриевский А. Евхологион IV века Сарапиона, епископа Тмуитского. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1894. – с. 26

² Собрание древних литургий, восточных и западных. Вып.1. – М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1997. – с. 156

находится в современном служебнике, как видно, представляет собой переработку вышеприведенной.

Следует упомянуть и еще одну традицию чтения Священного Писания в Церквах Сирии, восходящую ко II в. и связанную с именем Татиана. Этот человек свел четыре Евангелия в единое непрерывное хронологическое повествование и назвал свой труд: «Диатессарон».

«Термин *диатессарон* (το δια τεσσάρων) заимствован из музыки. Обозначает он последовательность четырех гармонических тонов и хорошо подходит к работе, в которой тщательно согласованы четыре повествования. Татиан задает своей "гармонии" хронологические рамки четвертого Евангелия (не следуя ему рабски), в которые встроены пересказы синоптических текстов»¹.

Несмотря на то, что сам Татиан стал родоначальником ереси «энкратитов», его труд в Сирии получает широкое распространение и активно употребляется за богослужением у православных в IV в., так, что даже Ефрем Сирий пишет к нему комментарии. Однако в V в., благодаря стараниям Раббулы Эдесского и Феодорита Кирского, «Диатессарон» был изъят из употребления и заменен на четыре Евангелия. Тем не менее, до сих пор евангельское чтение Великого Четверга имеет «сборную» структуру диатессарона.

Сразу за чтением Священного Писания, как необходимая часть литургии, следовала проповедь, которая имела очень важное значение в IV веке. Проповедь была не только толкованием прочитанного, но и критерием вероучительной непогрешимости проповедника, который научал народ с «амвона» как вере, так и нравственной жизни.

Арий и Аполлинарий, главные ересиархи IV в., были известными проповедниками. Но вместе с тем, в это же время благовествовали святые Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл

¹ Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – с. 115

Иерусалимский, Григорий Нисский, Ефрем Сирий, Амвросий Медиоланский, Иоанн Златоуст.

Большинство из них были епископами, но к проповеди допускались также пресвитеры и даже дьяконы (с благословения епископа или в его отсутствие). Исключением, по свидетельству Сократа, являлась Александрийская Церковь, и то после появления арианства: «В Александрии пресвитеры не говорят поучений, - и это началось с того времени, как Арий возмутил Церковь»¹.

Проповедь, как одно из сакральных действий литургии, усваивалась в прямую обязанность священнослужителя; свт. Амвросий Медиоланский (386 г.) прямо пишет о связи пастырства и учительства, указывая на благодатную природу того и другого:

«Нам нельзя уже уклониться от учительства, каковую обязанность, даже против нашей воли, наложило на нас священство, которое, (как известно), тесно связано с учительством, так как: «Бог поставил одних апостолами, других пророками, иных благовестниками, иных же пастырями и учителями» (Еф. 4.11). Не думаю я присваивать себе чести апостолов... и благодать пророков, и достоинства евангелистов, и назирания пастырей, - я желаю лишь с усердием прилежать Божественным Писаниям... с той целью, чтобы, уча других, я и сам мог научиться. Один ведь только Истинный Учитель не учился тому, чему Он учил других, люди же предварительно (сами) учатся тому, чему научают других, и от Него (Христа) узнают то, что передают (затем) другим» (Об обязанностях священнослужителей, 1.2-3)².

В «Паломничестве» (25) описывается интересный обычай – произносить проповеди перед литургией: «Из всех сидящих пресвитеров проповедует кто пожелает, и после всех их проповедует епископ; эти проповеди бывают всегда по Воскресеньям для того, чтобы народ постоянно

¹ Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – с. 230

² Амвросий, еп. Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. – Казань: Центральная Тип., 1908. – с. 34-35

наставлялся в писании и любви к Богу; и пока произносятся эти проповеди, проходит много времени до литургии в церкви»¹.

Историк Сократ тоже приводит одну из поместных практик – произносить проповеди на вечернем богослужении: «В Кесарии Каппадокийской и в Кипре епископы и пресвитеры изъясняют Священное Писание в субботу и в день Господень – всегда около вечера, при зажженных свечах»².

Но эти примеры являются лишь исключениями, местными традициями некоторых Церквей. В основном же проповедь произносилась за литургией, сразу после чтения Священного Писания.

Таков ряд свидетельств IV века о богослужебном чтении Священного Писания в разных Церквях Востока. Свидетельства столь многообразны и разнообразны, что не дают цельной картины. Однако кое-какие выводы все же сделать можно.

Прежде всего, к концу IV в. все книги Священного Писания Нового Завета (за исключением Апокалипсиса) признавались почти повсеместно всеми Церквями и, соответственно, читались на литургии. Чтения эти проходили последовательно, то есть прочитывалась вся книга целиком, либо по частям за несколько литургий. Но о распределении годового круга чтений никаких свидетельств нет.

Далее, Новый Завет имеет четкое разделение на две группы писаний: 1) «Евангелие», включающее книги 4-х евангелистов, имеет высший авторитет и степень Откровения, так как содержит в себе учение и описание жизни Самого Господа Иисуса Христа; 2) «Апостол», включающий в себя книгу «Деяний» и послания Апостолов, которые, однако же, рассматриваются через «призму» «Евангелия» и имеют такой же авторитет в плане Откровения, но несколько меньший в плане содержания.

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 143

² Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – с. 230

Что касается Ветхого Завета, то в некоторых местах (Палестина, Египет) он еще имеет равное значение с Новым, однако в большинстве других Церквей он уже получает второстепенное место в богослужении и постепенно оттесняется или на вечернее богослужение, или на будние дни, в которые не совершалась литургия.

С появлением и литургическим оформлением так называемых «Двунадесятых» праздников, составляются и специальные «чтения» для них, имеющие отражение в библейской истории.

Однако на этом рассмотрение богослужебного употребления Священного Писания Нового Завета в IV веке не заканчивается. И выводы, сделанные в этой главе, лишь частичные. Потому как следует отдельно рассмотреть деятельность и труды еще одного величайшего церковного деятеля, жившего на рубеже IV и V вв. – свт. Иоанна Златоуста, свидетельства которого дают очень много ценного материала для изучения данной темы.

2.2. Святитель Иоанн Златоуст и V век.

Святитель Иоанн Златоуст (347-407) – один из Вселенских Учителей и Святителей Православной Церкви. Его жизнь и церковная деятельность связана с Антиохийской Церковью, где он служил 5 лет диаконом (с 381 г.) и 12 лет пресвитером, и Константинопольской, куда в 397 г. он был избран архиепископом.

За свое красноречие и экзегезу Священного Писания Иоанн получил наименование «Златоуст». А его главный богослужебный труд – Божественная литургия, занимает ведущее положение в Церквях Православного мира. Как столичный архиепископ, свт. Иоанн распространял свою литургию (которую он составил на основании литургии свт. Василия Великого) по храмам своей епархии, преимущественно городским, так как и составлена она была как «эталон» соборно-приходского богослужения.

«Св. Златоуст довершил то, что нужно и возможно было сделать с древними чинопоследованиями при удовлетворении потребностям христиан после времен апостольских и составил такую совершенную форму литургии, которая осталась в сущности навсегда неизменною, не смотря ни на какие последующие прибавления... Сама Церковь, принявшая этот вид литургии, как окончательный, в последующие времена позволяла вносить в нее только некоторые стихи для пения и дополнять тем, что было уже вне тайнодействия, а его самого не сокращала и не распространяла. Это совершенство состава литургии Златоустовой, равно как и то обстоятельство, что она первоначально утвердилась в столице восточного православного мира, были причинами того, что эта литургия вскоре распространилась по всем провинциям Востока, получила господственное значение во всей Православной Церкви и имела большое влияние на местные литургии разных христианских обществ» - пишет проф. Е.И. Ловягин¹.

¹ Собрание древних литургий, восточных и западных. Вып. 2. – М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. – с. 118-119

Однако литургия – это уже плод творчества архиепископства Иоанна, а основная масса его проповедей была произнесена в Антиохии, когда святитель был еще в пресвитерском достоинстве. Собственно, проповеди и являются главным наследием и ценным материалом, оставленным святителем. Это шедевры христианской гомилетики, которые в большинстве своем были посвящены экзегезе Священного Писания.

«Будучи пресвитером, Иоанн Златоуст говорил проповеди по крайней мере один раз в неделю, нередко и каждый день, то после предварительного приготовления, то после некоторого размышления, а чаще всего – импровизируя... Скорописцы записывали каждую беседу Иоанна Златоуста»¹.

Святитель произнес толкования на все книги Священного Писания Нового Завета, за исключением Евангелия от Марка и Луки, а также Апокалипсиса. Причем, читая его проповеди, создается впечатление, что Иоанн Златоуст держал в руках «кодекс» Священного Писания и подробно разбирал слова Священного Текста, толкуя их для многочисленных слушателей.

Именно его проповеди содержат важные свидетельства (хоть и косвенные) о богослужебном употреблении Священного Писания в Антиохийской Церкви. Приведем здесь некоторые из них:

«Возвратимся к тому месту, где мы недавно остановили речь, и оттуда начнем ее. Конечно, можно было и в один день изъяснить вам всю эту притчу; но мы заботимся не о том, чтобы только сказать о многом и уйти, но чтобы вы, тщательно приняв и усвоив сказанное, получили от такой внимательности духовную пользу... Посему я не вдруг предложил вам чашу учения, но разделил ее для вас на многие дни и дал вам в промежутки этих дней успокоиться от труда слушания, чтобы и то, что уже преподано, твердо укоренилось в уме вашем... Для этого я часто за несколько дней наперед

¹ Иоанн Златоуст. Ст. Барсов Н. // [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Серия «Русские Энциклопедии». Platinum DVD-Soft

говорю вам содержание того, о чем будет сказано, чтобы вы в эти промежуточные дни, взяв Библию, прочитав весь отдел ее и узнав, что уже сказано и что еще осталось, сделали свой ум более способным к слушанию того, о чем будет сказано после. Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением божественных Писаний» (О Лазаре, 3.1)¹.

Из этих слов Святителя видно, что Священное Писание читалось последовательно на литургии, так что можно было наперед указать, какая «перикопа» будет читаться в следующий раз. «Весь отдел» Библии, который советует читать прихожанам Иоанн, составляет, очевидно, какую-то отдельную книгу или послание, для чего, по словам Святого, и необходимо вспомнить весь контекст написанного, чтобы яснее уразуметь толкуемое. Из самих же проповедей Святителя видно, что «перикопы» следовали непрерывно, и вся книга или послание в течении ряда литургий прочитывались целиком, после чего начинались читаться следующие.

Иоанн Златоуст призывает также к тому, чтобы христиане не только в храме внимали чтению Священных Книг, но «и дома постоянно занимались чтением божественных Писаний». А это значит, что «списки» Священных Текстов в кон. IV века уже имели широкое распространение среди верующих, и приобрести их уже не представляло слишком большой сложности.

О том, какие «отделы» Священного Писания читались на литургии, видно из следующих слов Святителя: «Так как, может быть, нечто из читанного нам сегодня смущает многих из невнимательных и неопытных в Писаниях, то теперь с великою поспешностью обратимся и к этому. Читано было о кровоточивой жене, которая прикосновением (к одежде Христовой) остановила потоки крови и силою веры похитила такое сокровище... Так же читано было о страданиях Павла, о ранах, темницах, преданиях на суд, кораблекрушениях, узах, цепях. Разнообразных и постоянных кознях против

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.1. – С-Пб.: Изд. С-Петербургской Духовной Академии, 1898. – с. 809-810

него, ежедневных смертельных опасностях, голоде, жажде, нагоде, заговорах на него ежедневных» (Бес. на слова пророка: «Аз Господь Бог, сотворих свет и тьму, творяй мир и зиждяй злая» (Ис. 45.7))¹.

Эти два чтения – одно из «Евангелия» (Мф. 9 гл.) и другое из «Апостола» (2Кор. 11 гл.) – как видим, составляли в день произнесения проповеди свт. Иоанном праздничные «перикопы». Но так как сама проповедь была произнесена на фразу из книги прор. Исаии (45 гл.), то следует заключить, что чтений на литургии было три – одно из Ветхого Завета и два из Нового.

Примечательно, что в современной структуре «чтений» приведенные Иоанном «перикопы» не совпадают и читаются в разные дни, хотя маловероятно, чтобы в то время круг новозаветных «перикоп» был распределен на целый год. Известно только из его бесед, что книга «Бытия» читалась в Четыредесятницу (за исключением Страстной седмицы), а книга «Деяний» после Пасхи во всю Пятидесятницу.

Следующие слова свт. Иоанна указывают на обрядовую форму и действия, связанные с богослужебным чтением Священного Писания в храме:

«Диакон, от лица всех, стоит и, громко восклицая, говорит: «вонмем»; и это часто. Этот голос, который он издает, есть общий голос Церкви, но никто не внимает. После него чтец начинает: «пророчества Исаина», - и опять никто не внимает, хотя пророчество не содержит в себе ничего человеческого. Потом вслух всех вещает: «сия глаголет Господь», - и также никто не внимает. Но что я говорю? Читается нечто страшное и ужасное; но и при этом никто не внимает. И что говорят многие? Всегда, говорят, читается одно и то же» (Бес. на Деяния, 19.5)².

Как видно, появляются вступительные возгласы, призывающие народ ко вниманию, и Святитель сетует тому, что мало кто осознанно слушает и

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.6. – С-Пб.: Изд. С-Петербургской Духовной Академии, 1900. – с. 434

² Иоанн Златоуст. Творения. Т.9. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903. – с. 188-189

внимает тогда, когда «читается нечто страшное и ужасное», вызывающее у Святителя священный трепет и благоговение.

Потому он продолжает: «Не стыдно ли тебе говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже имен читаемых (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же»¹.

Что значат эти слова? Маловероятно, чтобы за каждой литургией читались одни и те же «перикопы». Здесь свт. Иоанн говорит, скорее всего, об «одних и тех же» Книгах Священного Писания, которые прочитывались, вероятно, несколько раз в год. Причем, как видно, речь идет о ветхозаветной «перикопе», читаемой «чтецом».

Святитель укоряет прихожан за невнимательность и беспечность во время чтения Священного Писания. Он указывает на особую важность и значимость этого священного литургического действия.

«Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, заключает в себе глубокий сокровенный смысл» (Бес. на Ин., 57.1)².

Далее следует привести еще несколько цитат из «Бесед» свт. Иоанна Златоуста, в которых он описывает процесс и порядок литургического чтения Священного Писания, а также указывает на некоторые интересные детали.

«Когда чтец, восстав, говорит: «Сия глаголет Господь», и когда диакон, стоя, побуждает всех к молчанию, тогда он это говорит не для того, чтобы оказать этим честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь Тому, кто чрез него обращает ко всем речь» (Бес. на 2Сол., 3.4)³.

Здесь, собственно, свт. Иоанн не указывает ничего нового, так как под «призывом к молчанию» скорее всего понимается возглас диакона: «вонмем». Однако он также указывает и на таинственную сторону чтения

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.9. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903. – с. 189

² Иоанн Златоуст. Творения. Т.8. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902. – с. 371

³ Иоанн Златоуст. Творения. Т.11. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905. – с. 595

Священного Писания, что через читаемого «чтеца» к людям обращается Сам Господь.

В другом месте (Бес. на 1Кор. 36.6) свт. Иоанн Златоуст говорит: «В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один»¹.

В этой цитате содержится указание на то, что епископ, сидя в молчании, слушает Священное Писание, читаемое чтецом. Однако святитель не говорит ничего о том, что из Священного Писания читается, когда епископу позволительно сидеть.

Более того, 2 кн. «Апостольских Постановлений» (57) ясно предписывает: «Во время чтения евангелия все пресвитеры и диаконы, и весь народ пусть стоят в глубоком безмолвии»², однако про епископа здесь не упоминается, и потому также не ясно, сидел ли архипастырь во время чтения Священных Книг на литургии.

Немного больше света на этот вопрос проливает Созомен в своей «Церковной истории» (7. 19). Вот что он пишет: «У Александрийцев странно то, что при чтении Евангелия епископ не встает, чего у других я и невидывал и не слыхивал. Там эту священную книгу читает один архидиакон, между тем как в других местах диаконы, а во многих Церквях одни священники, в знаменитые же праздники епископы, как, например, в Константинополе в первый день Пасхи»³.

Таким образом, можно заключить, что в Антиохии, а равно и в других местах (за исключением Александрии), во время чтения Святого Евангелия епископ, вместе со всеми верующими, слушал стоя. Сидеть же, вероятно, ему позволялось на чтении «Апостола» и «Пророков» (что, кстати, сохраняется и до сих пор).

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.10. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904. – с. 375

² Постановления Апостольския. – Казань: Губернская Тип., 1864. – с. 90

³ Созомен Саламинский. Церковная история. – С-Пб.: Тип. Фишера, 1851. – с. 518

Что касается лица читаемого, то, как было видно ранее из «Паломничества» (24), не только в Константинополе раз в год, но и в Иерусалиме раз в неделю Евангелие читалось епископом. В Антиохии же, по словам свт. Иоанна, даже Евангелие читал чтец:

«В каждую седмицу (Священное Писание) читается вам два или три раза. Чтец, вышедши, сперва говорит, чья книга, какого именно пророка, или апостола, или евангелиста, а потом и произносит его изречения, чтобы вы лучше заметили их и знали не только содержание, но и причину написанного и то, кто сказал это» (Бес. на Евр., 8.4)¹.

Здесь же Святитель указывает на то, в какие дни читаются Писания: безусловно в субботний и воскресный, а также в какой-либо праздник, который может случиться на неделе. Праздники, вероятно, были связаны с памятью святых и не имели в то время еще строго назначенных Евангельских чтений.

Свт. Иоанн говорит также и о порядке читаемых книг: сначала Ветхий Завет («Пророки»), затем «Апостол» и, наконец, «Евангелие», как самая полная и заключительная часть Божественного Откровения.

Интересно также, что в древних списках литургии Иоанна Златоуста (как и Василия Великого) отсутствует молитва «перед чтением Евангелия», которая появляется вначале лишь в литургиях Иерусалимских и Александрийских, как было указано ранее.

Здесь следует немного сказать о самой литургии, о ее развитии в V веке. Если ранее на несколько столетий (II-III вв.) литургия начиналась со входа предстоятеля в храм и чтения Священного Писания, то к V в. сам вход получает более торжественное и оформленное действие. Вот как описывается он у псевдо-Дионисия Ареопагита в книге «О церковной иерархии» (3.2):

«Совершив пред святым жертвенником священную молитву, иерарх, начав каждение с жертвенника, обходит весь круг, (занимаемый) священным собранием; и потом, возвратившись опять к божественному жертвеннику,

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.12. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906. – с. 85

начинает священное пение псалмов, вместе со всем церковным клиром, который участвует вместе с ним в пении псаломского славословия. Вслед за тем совершается чрез церковнослужителей чтение священных книг (Ветхого и Нового Завета)»¹.

Само чтение, как видели ранее, имеет вступительные возгласы и предшествующие молитвы. В этот же период появляется пение так называемого «Аллилуария» перед Евангелием, о чем свидетельствует «лекционарий» библиотеки Иерусалимского армянского патриархата (1-й пол. V в.)². «Аллилуиа» пели респонсорно со стихами псалмов (то есть подпевали как припев к каждому стиху), после чего начиналось чтение Евангелия, важность которого, собственно, и выделялась «Аллилуарием». По окончании чтения народ произносил: «Аминь».

«Слово «Аллилуиа», по существу, представляет вербальное выражение эмоций благодарности, и оно, как и слово «Аминь», представляющее вербальное выражение эмоций абсолютного согласия, было унаследовано христианами от апостольского времени»³.

Эти два еврейских слова, которые никто не дерзал переводить на свой язык, являлись выражением одухотворенного настроения верующих, связанного с чтением «Слова Божия».

После IV Вселенского Собора (451 г.) появляется гимн «Трисвятое», как вызов православия монофизитству. Этот гимн сразу же становится частью литургии, предуготовительной к чтению Священного Писания.

«Столь же древним, как и само Трисвятое, является, должно быть, и его применение в Божественной службе, потому что оно могло стать истинным лозунгом православия только в качестве литургической формулы. Для пения гимна во время Евхаристии наиболее подходящим моментом был епископский вход, с одной стороны потому, что вставка в существовавший

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 71

² Успенский Н.Д. Византийская Литургия. Анафора. – М.: «ФИЛОМАТИС», 2003. – с. 47-48

³ Там же, с. 49

порядок показалась бы нарушающей благоговение перед традицией, а с другой, - потому, что гимн подходил для приветствия епископа и придавал его входу подобающую торжественную форму»¹.

Следует указать еще на один возглас, которым предварялось не только чтение Священного Писания, но и другие важные моменты литургии, - на пожелание «мира» верующим от предстоятеля церкви:

«Мы везде просим мира, потому что с ним ничто не может сравниться, - мира и в церквах, и в молитвах, как частных, так и общественных, и в приветствиях; предстоятель церкви подает его нам и раз, и два, и три, и много раз, произнося: «мир вам»... И предстоятель церкви не просто говорит: мир вам, но – «мир всем»... Предстоятель церкви, как только входит, сейчас же говорит: «мир всем»; когда начинает беседу (говорит): «мир всем»; когда благословляет (говорит): «мир всем»...» (Бес. на Кол. 3.4)².

Свт. Иоанн Златоуст указывает здесь на вход предстоятеля (епископа) в храм, после которого сразу начиналось пение псалмов и чтение Священного Писания. Впоследствии (в V веке) к этому «входу» добавилось каждение и пение «Трисвятого».

Во время чтения Священного Писания зажигались все свечи и лампы в знак духовной радости и «просвещения» человечества благовестием Спасителя, как о том упоминает блж. Иероним в Книге «Против Вигилияния» (406 г.):

«По всем церквам Востока, когда следует читать Евангелие, возжигаются светильники, даже при свете солнечном, - конечно не для прогнания темноты, но в знак радости... чтобы под образом света вещественного представлялся тот свет, о котором в Псалтири читаем: «Светильник ногам моим закон Твой и свет стезям моим» (Пс. 118.105)»³.

¹ Hans-Joachim Schuls. Die bisantinische liturgie vom werden ihres symbolgestslt. Lambertus-Verlag, Freiburg-im-Breisgau, 1964. s. 45

² Иоанн Златоуст. Творения. Т.11 – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905 – с. 383-384

³ Иероним Стридонский. Творения. Ч.4. – К.: Тип. аренд. Е.Т.Керер, 1880. – с. 302

А прп. Исидор Пелусиот указывает на обычай епископа во время чтения Евангелия снимать с себя омофор, символизировавший христоподобное служение епископа-пастыря.

«Епископ, как образ Христов, исполняет дело Христово, и облачением своим показывает всем, что он уподобляется благому и великому пастырю, будучи поставлен нести на себе немощи паствы... Когда Сам истинный Пастырь приходит при отверстии достопокланяемого евангелия, тогда и епископ восстает, и слагает с себя уподобляющий его Христу образ (омофор), давая тем знать, что предстоит сам Господь, вождь пастырей, Бог и Владыка» (Пис. 136, Комиту Ермину)¹.

Таким образом, рассмотрев все выше перечисленные свидетельства, можно выстроить приблизительную картину «литургии Слова» (оглашенных) в кон. V века. Конечно, не стоит забывать, что свидетельства эти относились к разным типам литургии в разных местностях, и поэтому нижеприведенная структура будет очень приблизительна. Однако она важна для сравнения с ныне существующей литургией Иоанна Златоуста, чтобы видеть, какие элементы последняя со временем вобрала в себя.

Итак, литургия начиналась входом предстоятеля (епископа) в храм, наполненный верующими. Предстоятель преподавал общее благословение, возглашая: «мир всем», - и этот возглас служил началом литургии. Затем хор начинал петь «Трисвятое», а предстоятель, сойдя с кафедры, входил в алтарь и совершал каждение.

Начиналось пение псалма (антифонов), «предшествующего» (πρόκειμα) чтению Священного Писания. (Читалась молитва). Диакон возглашал: «вонмем». Чтец (посреди храма) произносил: «Пророчества (Исаина) чтение». После чего начинал читать «перикопу» из Ветхого Завета. По окончании снова пелся псалом (прокимен) и таким же образом читалась «перикопа» из «Апостола».

¹ Исидор Пелусиот. Творения. Ч.1. – М.: Тип. В.Готье, 1859. – с. 91-92

(Возжигались светильники). Снова пелся псалом, к каждому стиху которого припевали: «Аллилуиа». Диакон повелевал всем стать в молчании («Прóсти» - слав. станем прямо), объявляя о готовящемся чтении Евангелия. Чтец (диакон, пресвитер, епископ) объявлял заглавие читаемого Евангелия («κατά Ματθαίου» - «по Матфею»), и в абсолютном безмолвии начиналось чтение.

По окончании «перикопы» народ произносил: «Аминь», предстоятель благословлял слушателей («Мир всем»), народ отвечал: «И духови твоему», после чего начиналась проповедь.

О возгласе народа: «И духови твоему» также упоминает свт. Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей: «Церковь тогда (во времена апостолов – прим. авт.) была небом; Дух устроил все в народе, руководил и вдохновлял каждого из предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований. И ныне мы говорим и по двое, и по трое, и порознь, и один умолкает, когда начинает другой; но все это только знаки и памятники прежнего. Потому-то, когда мы начнем говорить, народ отвечает: «Духови твоему», выражая, что в древности говорили так не по собственной мудрости, но по внушению Духа» (Бес. на 1Кор. 36, 4)¹.

Проповедь, так же, как и раньше, имела важное значение за богослужением. Ее могли произносить по очереди несколько человек. Да и сам Златоуст, будучи пресвитером в Антиохии, довольно часто говорил свои знаменитые проповеди после речи епископа Антиохийского Флавиана, который специально сокращал порой свои «Слова», чтобы дать побольше времени для гомилий талантливому пресвитера.

Что касается проповедовавших лиц, то допущение пресвитеров и дьяконов, как указывалось ранее, происходило лишь с благословения епископа, либо в местах, где он отсутствовал.

Церковный историк Созомен приводит две интересных традиции относительно проповедников в Римской и Александрийской Церквах: «В

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.10 – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904 – с. 372

Риме ни епископ, ни другой кто, не говорит в церкви поучений; а у Александрийцев проповедует один только городской епископ, - обычай, которого прежде не было и который вошел, говорят, с того времени, как Арий, будучи пресвитером, начал беседовать о предметах веры и вводить новости» (Церковная история, 7.19)¹.

Свое одобрение слушатели выражали проповеднику абсолютно по разному. Здесь можно привести два свидетельства: о проповеди монастырской и проповеди соборной, чтобы увидеть всю разницу эмоционального выражения чувств слушателей.

Описывая быт общежительных монастырей Египта, блж. Иероним в письме «К Евстохии» (21, О хранении девства) повествует: «После девяти часов (монахи) сходятся вместе, поют псалмы, читают писания по обыкновению. По окончании молитв, когда все сядут, тот, кого они называют отцом, стоя посередине, начинает беседу. Во время его речи бывает такая тишина, что никто не смеет взглянуть на другого, никто не смеет кашлянуть. Хвала говорящему высказывается в плаче слушателей. Тихо катятся по щекам слезы, и скорбь не прерывается даже стоном. А когда начнет возвещать грядущее, о Царстве Христовом, о будущем блаженстве и славе, ты увидишь всех со сдержанным вздохом и поднятыми к небу глазами, говорящих внутри себя: «кто даст ми криле, яко голубине, и полещу, и почию» (Пс. 54.7)»².

Абсолютно другую реакцию слушателей описывает свт. Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей, произносимых в городском соборе Антиохии (Бес. о диаволе, 1.1):

«Речь наша продлилась (тогда) долго, безмерно долго, как никогда еще не бывало, и многие ожидали, что от такой продолжительности слова погаснет в вас усердие (к слушанию); но вышло противное: в вас еще более разгорелось сердце, более воспламенялось усердие. Из чего же это видно? Из

¹ Созомен Саламинский. Церковная история. – С-Пб.: Тип. Фишера, 1851. – с. 518

² Иероним Стридонский. Творения. Ч.1. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1893. – с. 137-138

того, что рукоплескания под конец увеличились и восклицания усилились... Сначала собрание волновалось не сильно; но когда речь простерлась далеко, обняла все части предмета, и предложено было обильнейшее наставление, тогда-то именно и разгорелась в вас охота к слушанию, и стали раздаваться сильнейшие рукоплескания»¹.

Если монастырская проповедь вызывала у слушателей умиление, то городская – восторг, и если монахи выражали свое почтение проповеднику слезами, то миряне – аплодисментами.

Нужно привести еще один случай из жизни свт. Иоанна Златоуста, описанный блж. Феодоритом Кирским в своей «Церковной истории» (5.30):

«Видя, что и скифский народ опутан сетью арианства, Иоанн употребил хитрость против хитрости и сам намыслил средство уловить добычу. Поставив единоплеменных им пресвитеров, дьяконов и чтецов Священного Писания, он уделил им одну церковь и через них уловил многих заблудших, ибо и сам весьма часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык толмача»².

О проповедях с «переводчиком» на иной язык упоминает также и «Сильвия», описывая практику Иерусалимской Церкви (Паломничество, 47): «Так как в этой местности часть народа знает по-гречески и по-сирийски, часть только по-гречески, другая только по-сирийски, то епископ, хотя бы и знал по-сирийски, говорит однако всегда по-гречески, и никогда не говорит по-сирийски. И потому всегда стоит пресвитер, который, когда епископ говорит по-гречески, переводит по-сирийски, чтобы понимали все что толкуется; также и чтения, которые читаются в церкви: и так как необходимо читать по-гречески, то всегда стоит лицо, переводящее по-сирийски, ради народа, чтобы он постоянно поучался. И чтобы не смущались те из латинян, которые здесь находятся, и которые не знают ни по-гречески, ни по-

¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т.2 – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899. – с. 274

² Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. – М.: РОССПЭН, 1993. – с. 205

сирийски, объясняется и им, так как есть братья и сестры, знающие по-гречески и по-латыни, которые толкуют им по-латыни»¹.

Что касается «канона» Священного Писания, то судя по выражению блж. Августина, в V в. он был уже общепризнан и определенно установлен. Августин как бы между делом упоминает в своей книге «О граде Божиим» (22.8) о законченности канона Священных Книг: «О тех чудесах канон Священных Писаний, которому надлежало быть законченным, повествует повсюду...»².

Свой труд блж. Августин писал ок. 426 г., и он безусловно знал о решении Карфагенского Поместного Собора, который прошел несколько ранее (в 419 г.), и на котором он, скорее всего, присутствовал лично. 33 правило Собора окончательно определяет список книг, предназначенных для богослужебного чтения.

«Постановлено также, да не читается ничто в Церкви под именем Божественных писаний, кроме Писаний канонических. Канонические же писания суть сии: ... Нового Завета – четыре Евангелия, Деяний Апостолов одна книга, посланий Павла четырнадцать, Петра Апостола два, Иоанна Апостола три, Иакова Апостола едино, Иуды Апостола едино, Апокалипсис Иоанна книга едино. Для твердости же предлежащего правила да будет извещен о сем брат и сослужитель наш Вонифатий (епископ Римский) и прочие Епископы тех стран: ибо мы прияли от отцов, что сии книги читать подобает в Церкви»³.

В этом перечне книг их порядок отличается от общепринятого, а именно среди Соборных посланий имя ап. Петра стоит первое, за ним следует ап. Иоанн, и после этого только Иаков и Иуда. Но зная авторитет, которым ап. Петр пользовался в Западной Церкви, не трудно догадаться, почему его послания в ряду Соборных поставили на первое место. Напротив,

¹ Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889. – с. 170-171

² Августин, еп. Иппонийский. Творения. Ч.6. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1887. – с. 358

³ Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 156

в Иерусалимской Церкви, где первым епископом был ап. Иаков, именно его послание предваряло все Соборные.

И хотя в V веке в письменных источниках Восточных Церквей не встречается списка канона Священных Книг, то лишь потому, что он ко времени III Вселенского Собора (431 г.) ни у кого не вызывал уже споров и сомнений.

В V в. появляются первые свидетельства о составлении так называемых «лекционариев» - сборников отрывков Священного Писания, предназначенных для богослужебного чтения. «По свидетельству Геннадия, пресвитера Марсельского, жившего на исходе V в., Музей, пресвитер тоже Марсельский (ок. 458 г.), по убеждению св. Венерия, извлек из Священного Писания чтения на праздничные дни «сего года, а также респонсорные стихи псалмов, приспособленные к времени и чтениям». Второе известие тоже из Галлии: Сидоний Аполлинарий, епископ Арвернский (V в.), в епитафии Клавдиану, брату Клавдиана Мамерта, говорит, что тот «приготовил на ежегодные праздники (*solemnibus*) приличные каждому времени чтения»¹.

То, что такие праздничные «чтения» к тому времени уже существовали, ясно из описания Иерусалимского богослужения «Паломничеством». В V же веке появляются специальные сборники «перикоп», предназначенных, как видно, только для чтения на праздничных или воскресных литургиях, а также в период, связанный с Пасхой.

Несколько из таких сборников-лекционариев сохранилось до нашего времени, и они находятся: 1) в библиотеке Иерусалимского армянского патриархата № 121 (время составления относят к 417-439 гг.), и 2) в Парижской национальной библиотеке № 44 (439-450 гг.). В обоих памятниках указаны чтения, которые полагались в Иерусалимском храме Воскресения и на других святых местах города, а также ближайших его

¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 168

окрестностей¹. Но более подробно о составе и роли «лекционариев» будет говориться в следующей главе данной работы.

От этого же времени сохранился опыт деления библейского новозаветного Текста для богослужебного употребления, принадлежащий так называемому Евфалию, диакону Александрийскому, который посвятил свой труд Александрийскому архиепископу Афанасию II (490-496). В своем «Издании» Деяний, посланий ап. Петра и Соборных, Евфалий прежде всего делит библейский текст на стихи, помещая в каждый стих столько слов, сколько в состоянии произнести одним дыханием чтец, но сообразуясь при этом со смыслом. Затем он делит текст «Апостола» на 57 чтений, указывая, с каких слов начинается чтение и сколько глав оно содержит, причем почти все главы нынешней величины. Для каждой главы указываются ее цитаты и параллели из других Священных Книг и апокрифов, и дается обозрение содержания².

Но и такое деление «Апостола», принадлежащее Евфалию, является вариантом одной из поместных церковных традиций. В основном же, в V веке, в большинстве Церквей, годичный круг чтения Священного Писания зависел от воли и выбора Предстоятеля, а величина «перикоп» была еще относительна и часто определялась самим чтецом или проповедником. В любом случае, ни деление Евфалия на «чтения», ни проповеди свт. Иоанна Златоуста, объясняющие читавшиеся «перикопы», не совпадают с тем делением Священного Писания Нового Завета на «зачала», которым в нынешнее время пользуется Православная Церковь. Это деление появилось гораздо позже.

Однако само появление лекционарных систем в этом периоде свидетельствует о стремлении Церкви к письменному закреплению своих богослужебных традиций, которые в последующие времена приобретут канонические формы «Церковных Уставов» или «Типиков».

¹ Успенский Н.Д. Византийская Литургия. Анафора. – М.: «ФИЛОМАТИС», 2003. – с. 47

² Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 165

Таким образом, в V веке, во многом благодаря свт. Иоанну Златоусту, составившему литургию, которая стала впоследствии общецерковной, закрепляются богослужебные основы чтения Священного Писания, существующие в Православной Церкви до сих пор. Этот же период является началом деления Священных Текстов на стихи, удобные для чтения, а также составления специальных литургических сборников определенных праздничных «перикоп» - будущих «лекционариев» или в славянской традиции - «апракосов».

2.3. VI–VII века – развитие «лекционной системы».

В данный период сохранилось значительно меньше свидетельств, чем в предыдущие. Однако по дошедшим до нашего времени памятникам и записям можно составить определенную картину об изменениях, произошедших в это время в богослужении, и в частности, в «литургическом каноне». А также можно отметить, что VI – VII вв. (до-иконоборческий период) являются ключевыми в формировании богослужебных «чтений» Священного Писания, так как происходит окончательное закрепление внешнего литургического оформления и внутренних принципов, обуславливавших порядок «чтений».

Важно сказать о нескольких переменах, произошедших в богослужении, и повлиявших на чтение Священного Писания Нового Завета. Стоит попытаться их охарактеризовать наиболее применительно к теме данной работы.

Прежде всего, этот период важен тем, что происходит очень серьезная реформа в литургии и литургическом богословии. А именно, священнические молитвы, которые на протяжении стольких веков слышал «народ Божий», исчезают на литургии и начинают читаться «тайно».

Народ перестает быть участником «евхаристии» (молитвенного благодарения). Поэтому само собой разумеется, что, перестав слышать богодухновенные слова «анафоры», люди тем сильнее и явственней обратили свой слух и внимание на богодухновенные слова Священного Писания. Акценты и приоритеты сместились с «литургии верных» к «литургии оглашенных», и мистическое единство «общественного дела» (греч. *λειτουργία*) приобрело общегласительный характер. Исчезло само понятие «народа Божия» как «верных» последователей Христа, которым доступны не только тайны богословия, но и тайны богослужения.

Реакцией на такую практику стало возникновение в литургическом богословии аллегорического осмысления культовых действий. Символическое толкование литургии – это естественная реакция богословия на сокрытие молитвенного «стержня» богослужения, так как через аллегорию и внешнее оформление литургического обряда «непосвященный» человек все же пытался проникнуть умом в эту молитвенную «струю», животворящую Церковь через причастие единству Тела Христова.

Впервые символическое толкование богослужебных действий появляется еще в V веке, в произведениях Исидора Пелусиота и псевдо-Дионисия Ареопагита. Но наиболее развивает это учение прп. Максим Исповедник (582-662), который, кстати, хоть и был игуменом одного из Константинопольских монастырей, но не имел священнического сана и, следовательно, на богослужении находился, как и все миряне, молясь в храме.

Этой теме Максим посвятил отдельный труд: «Мистагогию» («Тайноводство»), и хотя он опирается во многом на трактат «О церковной иерархии» псевдо-Дионисия, однако же развивает символизм и аллегорию на все литургические священнодействия, в том числе и на чтение Священного Писания.

Вот что он пишет по этому поводу: «(Смотри), как, при помощи символов предлагаемых божественных чтений, (душа) изучает основания сущего, а равно и дивную, и великую тайну божественного промысления, открывающегося в законе и пророках... (Смотри) далее, - как переходит она от этих (чтений) и сосредотачивается в едином и единственном венце (чтений), единотворно объемлющем собою сущность всех чтений. Я говорю о святом Евангелии, в котором единою всеобъемлющею силою сведены воедино все тайны промысления и основания сущего» (Тайноводство, 23 гл.)¹.

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 334

Преподобный возносит ум человека к тайнам промысления и мироздания, содержащимся и приоткрывающимся в символах литургических священнодействий и Божественных Писаний.

«Чтения (Ветхого и Нового Завета) (означают) вообще божественные хотения и волю, сообразно с которыми все должны поучаться и располагать жизнь свою... Стройным пением божественных песней (означается) божественная радость и веселие, которое получают (от них) души всех... Святое Евангелие вообще служит символом кончины века сего» (Тайноводство, 24 гл.)¹.

Как видно, символизм прп. Максима – это сверхчувственное созерцание «логосов» или «идей», заключенных в «знаках» (греч. σύμβολον) теургического тайноводства, осуществляемого в церковном богослужении.

Немного другой взгляд на символику литургии имеет современник прп. Максима, Иерусалимский патриарх Софроний, такой же ярый противник ереси монофелитства (ум. ок. 641 г.). В приписываемом ему «Слове о Божественном священнодействии» «Софроний», во-первых, описывает весь порядок совершавшейся в то время литургии и, во-вторых, рассматривает ее как историческое воспоминание жизнедеятельности Христа, воспроизводимое церковным богослужением.

Следует привести некоторые отрывки из этого «Слова», указывающие на порядок литургии в нач. VII века, а также содержащие толкования на чтение Священного Писания за богослужением, чтобы увидеть и сравнить особенности литургии того периода.

«(11) Архиерей предоставляет некоторое время первому священнику, имеющему начать божественное тайнодействие. Это время означает возвещенное Пророком Исаией время рождения Иоанна Предтечи и пришествия к нам Христа... Священник, начинающий божественную литургию, представляет образ Предтечи и Крестителя Иоанна... Диакон, как

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 341-342

Ангел, говорит: «Благослови, владыко»... Священник, быв вызван ходатайствовать о наитии Святыя Троицы на таинство, говорит: «Благословенно Царство»; а народ, как бы объятый священным ужасом, подобно Апостолам во время преображения (Господня), с радостью и страхом отвечает: «Аминь», то есть, истинно»¹.

В этом предначинательном возгласе, которого еще не было в V в., видно полное тождество с теми начальными словами литургии, которые произносятся до ныне. И здесь же уже видно начало учения о библейско-исторических прообразах в богослужении, которое впоследствии будет так сильно развиваться в литургическом богословии.

«(12) И надобно знать, что в начале всякой как утренней, так и вечерней службы, сначала поются псалмы Ветхого Завета, а потом песни новой благодати, дабы все могли знать, что законоположивший и то, и другое есть один и тот же Бог и Господь Христос. Итак поются, как мы сказали, после первого прошения, антифоны, сначала проповедующие о том, что «благо есть исповедатися» Господу, родившемуся для спасения всего рода человеческого, и потом велегласно возвещающие, что «Господь воцарися»»².

Здесь имеется намек на мирную ектению: «после первого прошения», и затем описываются антифоны, которые, кстати, существуют до сих пор, и поются в некоторых случаях на литургии.

«(13) В конце первого антифона присоединяются слова: «молитвами Богородицы спаси нас»... Припев же второго антифона составляют слова: «молитвами святых твоих»... Песнь – «Единородный Сыне» - воспета императором Юстинианом... Иерей выходит (из алтаря), неся Евангелие, по образу Христа, несшего крест; если же несет его диакон, то он представляет собою Симона, на которого возложили крест. Светильники, предносимые во

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 276-277

² Там же, с. 277

время входа, означают божественный свет; а самый вход архиерея – явление Христа и Бога нашего на Иордане»¹.

Как видно, описание входа с того времени практически не изменилось. Да и антифоны следуют в том же порядке, по крайней мере указывается на два антифона и гимн «Единородный Сыне», во время пения которого, вероятно, и совершался вход с Евангелием, символика которого, однако, у «свт. Софрония» не совсем однозначна, так как, по его мнению иерей, несущий Евангелие, является образом Христа, несшего Крест, и в то же время Иоанном Крестителем, встречающим Христа на Иордане, Которого знаменует собой архиерей.

«(14) Диакон несет святое Евангелие и подает его вождям верного народа, как божественный закон Царя, а священник идет позади и в своей одежде представляет все обстоятельства распятия, как предмет хвалы во смирении сердца. Потом певцы восходят на амвон и поют: «Придите, возрадуемся Господеви»; тоже вместе с ними поют и стоящие внизу, образуя тем согласие Ангелов и человеков... Словом сказать, сюда относится все, что есть в Писании о крещении (Спасителя)»².

«Свт. Софроний» видит в священнодействии входа два аспекта земной жизни Спасителя: Крещение и Крестный путь. И хотя он не углубляется в богословско-догматическую связь между этими событиями, однако она очевидна. Что же касается самого входа и приветствия архиерея, то в это время пелся 94 псалом: «Придите, воспоем Господу, воскликнем (Богу), твердыне спасения нашего... Придите, поклонимся и припадем, преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего; ибо Он есть Бог наш» (Пс. 94. 1,6-7), который впоследствии преобразовался в песнь: «Приидите, поклонимся...».

«(15) По окончании антифонов, тотчас поется Трисвятая песнь, возвещающая божественную ипостась Сына, равно как и самого Отца, и

¹ Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 278-279

² Там же, с. 280

животворящего Духа. Различая свойства лиц (Пресвятыя Троицы), относят слова: «Святой Боже» - к Отцу; «Святой Крепкий» - к свойству ипостаси Сына и Слова; а «Святой Бессмертный» - обращают к ипостаси единосущного и животворящего Духа»¹.

Такое толкование довольно скоро усвоилось «Трисвятой» песни, хотя как только она появилась, то оба качественных определения: «Крепкий» и «Бессмертный» относились к одной Ипостаси Слова: «Ἅγιος ὁ Θεός» (греч. Свят Бог).

«(16) После «Трисвятого» архиерей восходит на сопрестолie, поддерживаемый диаконами, как Ангелами, и вместе с ним восходят и иереи, подобно тому, как апостолы взошли вместе с Иисусом на гору преобразования»².

«Свт. Софроний» ничего не упоминает о каждении во время входа. Вероятно, что в литургии Иерусалимской Церкви оно отсутствовало, иначе он не преминул бы сказать о таком символически наполненном действии.

«(17) По исполнении «Трисвятого» священник (архиерей) благословляет народ, говоря: «Мир всем», то есть, будьте в мире друг с другом, предстоя божественной трапезе»³.

Собственно, с этого места и с этих слов в древности и начиналась литургия. А все предшествующее появилось в V-VI вв. и во многом сохранилось до нашего времени.

«...После того, как (архиерей и священники) сядут, читается, в связи с чтениями из Ветхого и Нового Завета, так называемый прокимен (προκείμενον), который по справедливости назван так, потому что он предлежит тем образам новозаветной благодати; он указывает на откровение Пророческое и предугадание пришествия Христа Бога. Вслед за сим

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 281

² Там же.

³ Там же, с. 282-283

выступает Павел... и предлагает народу свое учение, или точнее, предлагается чтение Деяний и Посланий апостольских»¹.

Указывается на произнесение «прокимна» и на чтения «перикоп» из «Пророков» и «Апостола». Все это очень близко к современной традиции чтения Священного Писания, за исключением «перикоп» из Ветхого Завета. И далее «свт. Софронием» подробно описывается чтение Святого Евангелия и связанные с этим действия:

«(18) Потом, после чтения Апостола, Давид поет: «Аллилуиа» (αλληλοῦϊα); «αλ» значит «явился», «ηλ» - Бог, «ουϊα» - «хвалите живого Бога». При последнем «аллилуиа» снимается с архиерея омофор в знак того, что закон ветхозаветный престал и что архиерей священнодействует новую благодать. Каждение фимиамом во время пения «аллилуиа» знаменует благодать Святого Духа, данную ученикам... После «аллилуиа» священник, или диакон, взяв пречистое Евангелие, как посланный Ангел, восходит с сим божественным законоположением на амвон... Распростертые руки народа означают его благодарность за удостоение таких чудес. Священник с трепетом раскрывает законоположение (Евангелие) и возвещает его народу, между тем, как все стоят в молчании, подобно Моисею, Илии и всем Пророкам, когда с ними беседовал Бог, и подобно Апостолам... По прочтении Евангелия читавший, согнув его, сходит и дает целовать всем, как чадам.

Евангелие указывает на пришествие Христа Сына Божия, когда Он виден был нами не в гадании, но ясно. Оно возвещает слова Самого Христа, Им данные заповеди и законы, Его страдания, погребение, воскресение и самое вознесение. Что же касается чудес, то Апостолы не много сказали о них, возвестив одним словом о их бесчисленном множестве...

(20) Осенение крестным знаменем, которое преподает архиерей народу по прочтении Евангелия, указывает второе пришествие Христова»¹.

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 283

Все это описание практически полностью сохранилось до нашего времени. И хотя «свт. Софроний» ничего не говорит о проповеди после чтения Священного Писания, но это, как кажется, связано с обычаем Иерусалимской Церкви произносить поучения до литургии, о котором еще писала «Сильвия Аквитанка»².

В остальном же, символическое толкование литургии «свт. Софронием» явилось «классическим» для последующего развития литургического богословия, которое окончательно раскрыл в этом аспекте Симеон, архиеп. Солунский, в XV веке.

Но свт. Софроний знаменит не только своим толкованием литургии. Как повествует Иерусалимский патриарх Иоанн (1156-1178) в житии святых Иоанна Дамаскина и Космы Маюмского, свт Софроний Иерусалимский «установил чины (σύνταξι) всей церковной службы и подходящим образом распределил текст Евангелия и Павловых посланий по памятям отдельных святых и по праздникам Сына Божия»³. То есть, ему приписывается составление не просто «лекционария», но целого «Устава», включающего в себя оформленные чинопоследования и месяцеслов с распределенными на разные дни «перикопами» из Священного Писания.

Собственно, до настоящего времени дошел список одного из «лекционариев», отражающий богослужение Иерусалимской Церкви и датируемый эпохой свт. Софрония. Это так называемое «Определение и установление святителей правоверных, соблюдаемое в Иерусалиме», сохранившееся на грузинском языке, и опубликованное прот. С. Кекелидзе с наименованием «Иерусалимский Канонарь VII века»⁴.

Здесь следует более подробно остановиться на том, что же из себя представляют «лекционарии» и какова их роль в формировании «литургического канона».

¹ Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855. – с. 284-285, 286

² Паломничество, 25

³ Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, IV, 1897, σ. 336-337

⁴ Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912

«Первоначально «канонарем», или «лекционаром» называлось приложение в конце Евангелия, Апостола или Паремийника, указывающее, какие чтения следует читать в данный день. Подобные указатели явились первичной основой для образования Церковного Устава как богослужебной книги»¹.

Однако такое «приложение» в рассматриваемый нами период составляло отдельную книгу, состав которой и необходимо рассмотреть. Но для этого следует вернуться назад в историю и кратко проследить текстуальное развитие богослужебных книг Священного Писания.

Собственно, до V в. (когда впервые встречается упоминание о «лекционариях») книги Священного Писания читались целиком, и их чтение всецело зависело от наличного богослужебного времени и желания чтеца или предстоятеля, который сам выбирал, какую книгу или часть книги следует прочитать на литургии. В III веке в тексте Священного Писания появляется деление на «главы» (греч. κεφάλαια) или «перикопы», приписываемое Аммонию Александрийскому, хотя в разных кодексах это деление представлено по-разному. Сам же текст писался в несколько столбцов колометрически, то есть состоял из такого количества слов, заключенных в смысловую единицу, которое чтец мог легко произнести на одном дыхании. «Каждая смысловая единица текста состояла из одного предложения (κόλον) или фразы (κόμμα)»².

С появлением «кодексов» и более-менее полных списков Священного Писания, Книги стали прочитываться поочередно, по одной или нескольку «глав» на литургии. Исключение составлял Пасхальный период, который предполагал особые «чтения», но об этом будет сказано отдельно. В то же время, с IV в. начинается бурный расцвет «праздничных дней», связанный со строительством в Иерусалиме памятных храмов, и публичным прославлением множества святых (большинство из которых были мученики).

¹ Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977. – с. 50

² Мецгер Б. Текстология Нового Завета. – М.: Библийско-Богословский институт св. ап. Андрея, 1996. – с. 27

Создаются «месяцесловы», отмечающие все памятные даты и требующие для себя отдельных богослужебных чинов (в частности, гимнографического характера, но в том числе и особых «чтений» Священного Писания).

К рассматриваемому нами периоду в церковно-богослужебном составе «чтений» Священного Писания, эти два «круга» чтений накладываются друг на друга и смешиваются. Это «смещение» слишком усложняет простую ранее систему «чтений» и потому требует выделения в отдельное методическое пособие, названное «лекционным аппаратом». Что это такое? – здесь и необходимо рассмотреть.

Как упоминалось ранее, Музей, пресвитер Марсельский (сер. V в.), извлек из Священного Писания чтения на праздничные дни всего года, а также респонсорные стихи псалмов, приспособленные к времени и чтениям (то есть «прокимны»)¹. Это свидетельство Геннадия, пресвитера Марсельского, вполне раскрывает вопрос о происхождении «лекционария». То есть, изначально «лекционарий» появляется как выписка отдельных «перикоп» из Священного Писания, относящихся к новоустановленным праздничным датам, связанным с конкретными числами года и зафиксированным в «месяцесловах». Потому очень скоро и сам «месяцеслов» включается в состав «лекционария».

Однако практичность такой «книги» очень быстро осознается на приходском уровне, и в «лекционарий» добавляют также «избранные» чтения на весь «воскресно-субботный» период года, а также Четыредесятницу и Пятидесятницу. «Лекционарий» был выгоден также еще и тем, что содержал гораздо меньший объем текста, чем полный сборник Священного Писания, а значит изготовление этих рукописей было значительно дешевле.

Таким образом, «лекционарий» в своей окончательной редакции состоял из следующих частей: ««синаксария», содержащего чтения подвижной составляющей годового круга богослужения, «менология»,

¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 168

содержащего чтения неподвижной составляющей этого же круга, а также «дополнительных чтений», в которые входят воскресные утренние евангельские чтения и чтения «на всякую потребу»¹.

Круг «воскресных утренних евангелий» появился довольно позднее, а вот «чтения на всякую потребу» включали в себя также общие чтения разным святым.

Различные «лекционарии» начинались с разного периода времени (одни с сентября, другие с января), что связано было с местными традициями календарного отсчета. И естественно, в разных «лекционариях», отражающих традиции различных Поместных Церквей, основной состав чтений также был разным.

Для данного исследования интереснее всего проследить состав чтений «лекционариев» Иерусалимской Церкви, так как именно Палестинский «устав» приняла для себя как основной Русская Православная Церковь в XIV веке при митр. Киприане.

Таких «лекционариев», отражающих богослужебную практику Иерусалимской Церкви V-VII вв., автору работы доступно было два: 1) «Компиляция» трех армянских лекционаров V века (Иерусалимская рук. № 121, Парижская рук. № 44, Ереванская рук. № 985), составленная и изданная в курсовом сочинении студентом ЛДА В. Федоровым²; и 2) «Иерусалимский канонарь VII в.» (Грузинская версия), переведенный и изданный прот. Корн.С. Кекелидзе³. Но основное внимание, собственно, будет уделяться второму памятнику, так как он относится к разбираемому в данной главе периоду.

Отметив главные составные части «лекционария», теперь следует рассмотреть их более подробно, выделяя основные праздники и памятные даты, сохранившиеся до сих пор.

¹ Пентковский А.М. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. – С-Пб., 1998. – с. 3

² Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977

³ Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912

Армянский «лекционарий» начинается с января, с праздника «Святого Богоявления», в который был включен весь рождественско-крещальный праздничный «комплекс», то есть он отражает еще практику Церкви до разделения этих двух праздников. Грузинский же начинается с 24 декабря, то есть с «навечерия» Рождества Христова, и описывает все последование богослужения в этот день и в сам праздник. Далее он отмечает 26 дек. память «царя Давида и Иакова, брата Господня, первого архиепископа», 27 дек. «память Стефана» (в этот же день и по Армянскому, и по нынешнему месяцеслову Русской Православной Церкви¹), и 29 дек. «память Евангелиста Иоанна и Иакова, брата его».

Затем в Грузинском «канонаре» следует память «св. Василия, архиеп. Кесарии Каппадокийской» (1 янв.) и 5 янв. «навечение Крещения». Однако в этом месте листы памятника сильно повреждены, поэтому разобрать что-либо из последования слишком тяжело.

Из известных памятней, существующих до сих пор, и совпадающих с современным Юлианским календарем, можно отметить следующие: 25 января – «Григория, епископа Назианзского и Богослова»; 27 января – «Святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского».

14 февраля в Армянском «лекционарии» отмечен как «Сороковой день Рождества Господа нашего Иисуса Христа», в Грузинском же называется: «Сретение, восприятие Симеоном в руки». Чтения в этот день предписываются: Ис. 19.1-4; Гал. 3.24-29; Лк. 2.22-40. Собственно, о таком же евангельском «чтении» в этот день писала еще «Сильвия» в IV в., и эта же «перикопа» читается до сих пор на праздник Сретения Господня.

9 марта – «Святых сорока (мучеников)». Так же святым сорока мученикам Грузинский «лекционарий» указывает память в 4 субботу Великого Поста.

¹ См., напр.: Православный церковный календарь, 2008. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007

25 марта – «Благовещение святой Деве Архангелом Гавриилом». Армянский «лекционарий» всех этих дат не имеет.

Затем в обоих «лекционариях» следует период «Святой Четыредесятницы», причем Армянский лекционарий начинается с 1-й седмицы и предписывает совершать богослужения только в среду и пятницу (за исключением 2-й седмицы, где чтения указаны на все будние дни). Чтения в субботние и воскресные дни Четыредесятницы отсутствуют.

Грузинский «лекционарий» начинает период Великого Поста с «воскресенья мясопуста», затем следует «сырное воскресенье», и далее приводятся «чтения» Священного Писания на каждый день Четыредесятницы (включая субботу и воскресенье); подробно описываются богослужения Страстной седмицы, Пасхи, и далее – каждый день периода Пятидесятницы.

Армянский «лекционарий» включает «чтения» на каждый день лишь «Страстной» и «Светлой» седмиц, а из всего периода Пятидесятницы отмечает лишь «Святое Вознесение нашего Господа Иисуса Христа в сороковой день по Пасхе» и, собственно, «день Святой Пятидесятницы».

На этом «Синаксарий» заканчивается (в «Канонаре» утеряны листы, в которых описывались недели по Пятидесятнице) и далее снова продолжается «Менологий» (с апреля – в Грузинском лекционарии). Необходимо еще добавить, что в «месяцеслове» наряду с именем святого или праздника, нередко указывался и храм в Иерусалиме или окрестностях, где следовало совершать богослужение.

Главные памяти мая (в апреле лишь несколько местночтимых святых): 1 – «Пророка Иеремии» (также и в современном месяцеслове); 2 – «память Афанасия епископа» (в нынешнем надписывается: «...Великого, архиеп. Александрийского»); 7 – «Явление честного креста на Голгофе» (в нынешнем: «Воспоминание явления на небе Креста Господня в Иерусалиме»); 17 – «Сожжение Иерусалима» (персидским царем Хосроем в

614 г.); 22 – «память великого царя Константина» (в современном – 21 мая: «Равноапостольного царя Константина и матери его царицы Елены).

В июне: 24 – «Рождество Иоанна Предтечи»; 29 – «память апостолов Петра и Павла».

В июле: 1 – «память Ювеналия и Анастасия, епископов Иерусалимских» (в современном – свт. Иувеналия, патр. Иерусалимского – 2 июля).

В августе: 1 – «память святых Маккавеев» (до сих пор).

6 авг. – «на Фаворе Преображение Спасителя» - все тропари, прокимны и чтения подробно расписаны. На литургии «чтения»: Ам. 4.9-13; 2Пет. 1.12-19; Евр. 12.18-28; Мф. 17.1-9. В современной системе чтений сохранилась лишь «перикопа» из 2 Петра (немного измененная) и евангельская.

15 авг. – «память Богородицы»; в Армянском «лекционарии» под тем же числом: «Марии Богородицы». В современном месяцеслове 15 авг. – «Успение Пресвятой Богородицы».

Далее, из праздничных дат августа с современным месяцесловом совпадает только 20 число – «пророка Самуила», а также 29 авг. – «Усекновение главы Иоанна Крестителя» - совершается в этот день до сих пор.

Главные даты сентября: 1 – «память Иисуса Навина» (совпадает с нынешним); 5 – «память пророка Захарии» (в современном: «прор. Захарии и прав. Елисаветы, родителей Иоанна Предтечи»). 8 сент. – «Рождество Богородицы» - праздник, совершающийся в этот день доныне, однако «чтения» не совпадают. 13 сент. – «Энкения» («память обновления (освящения) храма Воскресения Христова в Иерусалиме» - современный месяцеслов). В Иерусалиме считался одним из главных праздников, разделяющих год (наряду с Рождеством, Пасхой и Пятидесятницей). Имел 8 дней «попразднства», подробно описанных в Грузинском «лекционарии».

На второй день (14 сент.) совершалось «Воздвижение Креста». На литургии читалось 4 «перикопы» из Ветхого Завета, а так же 1Кор. 1.18-25;

Ин. 14.16-37. В современных «чтениях» и «Апостол», и «Евангелие» немного отличаются, хотя в основных стихах совпадают.

Памятные даты октября: 9 – «память патриарха Авраама и праведного Лота» (совпадает с современным календарем).

В ноябре с современным месяцесловом не совпадает ни одна дата. Праздника «Введения во храм Пресвятой Богородицы» (21 нояб.) ни Армянский, ни Грузинский «лекционарий» не знает.

И, наконец, главные даты декабря: 5 – «память Николая, епископа великого града» (возможно, архиеп. Мир Ликийских, память которого в современном месяцеслове 6 дек.). 10 дек. – «память прор. Ионы»; 19 – «память Игнатия, архиепископа великого града Антиохии».

На этом «Менологий» Грузинского «лекционария» заканчивается. Здесь были приведены лишь самые знаменитые праздники, в общем же их количество составляло ок. 120-130 дней в году (то есть 1/3 года). Причем многие памяти святых праздновались по несколько раз в году, а наибольшее количество памятных дней (9) принадлежит св. Предтече и Крестителю Иоанну.

Большинство памятных дат не совпадает с нынешним «месяцесловом» Русской Православной Церкви, но связано это с тем, что наша Церковь переняла «месяцеслов» Константинопольский, и многие даты «общеимперских» святых в нем отличались от Иерусалимской традиции. По-видимому, Константинополь включил в свой календарь лишь памятные даты библейских праздников и святых (в том числе большинства ветхозаветных), наиболее точно хранимых Иерусалимской традицией, либо общезначимых, но отсутствовавших в столичном «менологии». В самом же Константинополе, по свидетельству архиеп. Сергия (Спасского), в VII-VIII вв. «было около 80 дней по преимуществу праздничных»¹.

Но на этом Грузинский «лекционарий» не заканчивается. Следующий раздел его содержит воскресные апостольские и евангельские чтения периода

¹ Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. – М.: Паломник, 1997. – с. 20

от «Энкении» (греч. *εγκαίνια* – обновление) (13 сент.) до «недели пред Рождеством Христовым», затем следует «неделя пред Богоявлением» и пять воскресений «после Богоявления», то есть до периода Четыредесятницы.

Следующий раздел содержит «чтения и Евангелия субботние», всего четыре; видимо, они поочередно повторялись по субботам в течении всего года.

И, наконец, последний раздел – чтения «общие святым» и «на всякую потребу». Среди них: «Святой Богородице», «Кресту если что возносишь», «святым апостолам», «святым пророкам», «святым мученикам», «в память святых», «святителям», «святым праведникам». Большинство апостольских и евангельских чтений не совпадает с нынешней «лекционной системой».

Среди вариантов «на всякую потребу» следующие: «Когда приносишь жертву Богу», «Во время брака», «В память епископа», «В память всякого мирянина», «В память души», «На положение основания церкви», «На обновление церкви» (после этого рукопись обрывается).

Сделав краткий анализ двух «лекционариев»: Армянского (V в.) и Грузинского (VII в.), можно видеть, насколько изменилась их структура за 2 столетия в одной и той же Церкви. Если Армянский включал в себя чтения лишь некоторых «Двунадесятых» праздников и нескольких памятей святых, а так же неполный «синаксарий», в котором отсутствовали даже воскресные и большинство будничных чтений (это говорит о том, что в V в. практика последовательного чтения Священного Писания еще не смешалась с триодно-минологийным кругом «перикоп»), то Грузинский «лекционарий» содержит довольно полную и сложную систему богослужебного «чтения» Священного Писания, с сильно развитым уставом «синаксария» и довольно крупным списком «месяцеслова». Однако в последующие века его система будет усложняться еще больше.

Если же говорить о «лекционариях» Константинопольской Церкви этого периода, то их общий строй был довольно схожим с иерусалимскими. Как отмечает А.М. Пентковский, «византийский лекционарий

доиконоборческого периода имел рождественско-триодную структуру, то есть начинался с Рождества Христова, после Благовещения следовали чтения триодного цикла (Великий Пост – Пасха – Пятидесятница), после которых возобновлялись чтения календарного года, причем в период Великого поста читались Евангельские чтения из Евангелия от Луки, а не из Евангелия от Марка. В состав этого лекционария входили как новозаветные чтения, так и ветхозаветные чтения, ибо в рассматриваемый период ветхозаветные чтения еще не были перенесены на вечерню»¹.

По этому общему описанию Константинопольской «лекционарной» системы, сформулированной проф. А. Пентковским на основании константинопольских «Профитологиев» (сборников ветхозаветных чтений) и «Гомилиариев» (сборников патристических комментариев на евангельские чтения), следует, что она практически ничем не отличалась от «лекционарной» системы описанного выше «Иерусалимского канонаря». Связано это, как кажется, с тем большим влиянием, которое взаимно оказывали друг на друга в богослужебном отношении Церкви Иерусалимская и Константинопольская.

Итак, разобрав общую схему «лекционария» VII в., необходимо отметить и непосредственный состав его, а именно, что представляет из себя каждая из его частей, содержащая отрывок из Священного Писания на конкретный праздничный случай.

Прежде всего следует сказать, что каждая рубрика «лекционария» включала в себя совокупность богослужебных текстов, которые находились в определенной последовательности. Эта совокупность текстов в Армянском «лекционарии» обозначалась армянским словом, которое на греческий язык переводится как «κανών» (правило)². Такое же значение усвоил себе и

¹ Пентковский А. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Журнал Московской Патриархии № 4, 2001. – с. 71

² Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционариям V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977. – с. 55

Грузинский «лексионарий», в котором система «канона» усложнилась еще больше.

Для примера можно взять «канон» на праздник «Преображения Спасителя» (6 авг.), который выглядит в «лексионарии» следующим образом:

«Собор на месте Вознесения, на Фаворе Преображение Спасителя. На вечерни тропарь, гл. 2: «На горе святых видеша тя...». Прокимен, гл. 7: «Север и юг...»; стих: «Господи, во светлостех лица Твоего...». В день Преображения на литургии тропарь, гл. 4: «На горе высокой преобразился еси...». Прокимен, гл. 4: «Истина от земли возсия...»; стих: «Правда пред ним предъидет, и положит в путь стопы своя». Чтение Амоса: «Умножите вертограды ваша, винограды ваша и смоквы ваша... (Написана вся перикопа до слов) Господь Бог вседержитель имя ему» (4.9-13). Второе чтение, пророка Захарии (?): «И восходили из года в год пред лице Господа вседержителя праздновать праздник кущей... потом в доме Господа вседержителя в той день глаголет Господь» (Неизвестный отрывок из Св. Писания). Собор. Посл. Петра: «Сего ради не обленюся воспоминати присно вам о сих... в сердцах ваших» (2Пет. 1.12-19). Павел к Евреям: «Не приступите бо к горе осязаемой и разгоревшемуся огню... темже царство непоколебимо приемлем» (12.18-28). Аллилуиа: «Господи, кто вселится в жилищи Твоем...». Евангелие Матфея: «И по днех шестих поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна... из мертвых воскреснет» (17.1-9). На умовение рук, гл. 4: «Прежде распятия...». Святых даров: «Удивишася...»¹.

И еще одним примером, для сравнения, можно взять «канон» из общей службы «Святителям»:

«Святителям. Прокимен, гл. 2: «Священницы твои облечутся...»; стих: «Помяни, Господи, Давида...». Павел: «Будите неподвижными от упования благовествования... да утешатся сердца их» (Кол. 1.23-2.2).

¹ Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912. – с. 122-123

Аллилуиа, гл. 1: «Веселитесь праведнии о Господе...». Евангелие Матфея: «Аще согрешит к тебе брат твой... ту есмь посреди их» (18.15-20)»¹. (Можно отметить, что с современным «канонам» ни одно из этих чтений не совпадает).

Таким образом, минимальный «канон» состоял из «прокимна», «перикопы» из «Апостола», «Аллилуиария» и «перикопы» из «Евангелия». По мере же увеличения значимости праздника, «канон» мог возрасти по количеству чтений в несколько раз.

Прежде всего в «лекционарии» VII в. появляются так называемые «тропари» (греч. τρῶπος – способ, лад, тонация), которые были составлены для наиболее чтимых праздников. «Каждую строфу их пели по дважды, на оба лика»², что было очень торжественно в исполнении. Хотя в литургии, описываемой «свт. Софронием», и нет упоминания о «тропарях», они, вероятно, сразу же заняли в ней то место, где находятся и доныне (а именно, после «Малого» входа (архиерея) и перед «Трисвятой» песнью).

Одним из главных составляющих «лекционарного канона» является псалом с припевом. «Выбор псалма может быть обусловлен различными обстоятельствами. В ряде случаев празднуемое событие ассоциировалось с каким-либо стихом псалма или с местом богослужебного собрания, или с именем празднуемого святого. Если не было особых мотивов для выбора псалма при воспоминании святого, то обычно исполнялся Псалом 115 с антифоном: «Честна пред Господем смерть преподобных Его» (Пс. 115.6)»³.

«Антифоном» или «респонсорием» назывался припевочный стих псалма, выражающий основную мысль последующего «чтения» или же приспособляющий псалом к празднику⁴. Антифон припевался к каждому

¹ Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912. – с. 152-153

² Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 329

³ Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977. – с. 55-56

⁴ Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – с. 307

стиху псалма и в разных рукописях имел различную длину. Сам же псалом всегда нумеровался в «каноне».

Однако к VII в., как видно, псалом сократился настолько, что стал представлять из себя 1 стих, а «респонсорий» занял по отношению к нему первейшее положение и стал называться «прокимном» (который, собственно, и остался «припевом» к стиху из псалма).

Другой составной частью «канона» являются «чтения», по преимуществу библейские, но иногда встречаются «мученические акты» и даже «Послание епископа Кирилла, писанное к царю Констанцию, о Кресте, явившемся на небе в 352 году до девятого года индиктиона»¹ - 7 мая, в память «Явления Честного Креста на Голгофе», содержащееся в обоих памятниках.

«Чтения» представлены либо полностью (часто с нумерацией «перикопы»), либо со ссылкой на другой день. Естественно, никаких «сносок» с указанием главы и стихов в «лекционариях» не было (они были проставлены редактором либо издателем).

Что касается выбора «перикоп», то в Грузинском «лекционарии» VII века встречаются все 3 критерия или принципа, определяющих структуру «чтений» Священного Писания, о которых писалось выше. Попытаемся более подробно их проследить.

1) Принцип последовательного чтения Священных Книг:

По крайней мере, что касается Евангельских «перикоп», то в период от «первого воскресенья после Энкении» до «14 воскресенья» (вплоть до недели пред Рождеством), в течение всех воскресных дней, указанных в «лекционарии», прочитывалось практически все Евангелие от Марка (с 1 по 10 гл.), за исключением тех «перикоп», которые были назначаемы в другие дни памяти святых.

¹ Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912. – с. 112-113

Также частично такой принцип можно проследить и в период от «Фоминой недели» до «Пятидесятницы», когда преимущественно читалось Евангелие от Иоанна, и практически последовательно (за некоторыми исключениями); из «Апостола» Книга Деяний читалась выборочно (хотя еще в V в. она доминировала и составляла основное чтение), зато полностью прочитывались оба послания Петра.

2) Принцип исторической памяти празднуемого события в библейском тексте:

Этот принцип относится ко всем праздникам, связанным с земной жизнью Спасителя, а так же ко всем святым, упоминаемым в библейской истории. «В празднование памяти святого читают библейский текст, в котором упоминается этот святой. Если празднуемый святой – автор богодухновенной книги, одно или два чтения выбирается из этой книги. Место, где совершается богослужение, может обусловить выбор библейского текста, в котором упоминается святой, которому это богослужественное место посвящено»¹.

Это наиболее прочный принцип чтения Священного Писания, так как большинство праздничных «перикоп», установленных по этому критерию еще в IV-V вв. в Иерусалимской Церкви, в нашей Церкви читается до сих пор.

3) Принцип аллегорической связи праздника с библейским текстом:

Появился в рассматриваемый нами период, и связан был, прежде всего, с символическим толкованием богослужения. Истоки его восходят еще к Оригену, который первым начал толковать Писание аллегорически, разделяя его текстовый смысл на «тело» (библейская история), «душу» (нравственные законы) и «дух» (умозрительные символы).

С появлением символического осмысления богослужения, этот принцип перешел и на Священное Писание. И главным выражением этого

¹ Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977. – с. 57-58

принципа в Грузинском «лекционарии» являются «чтения» общие святым. Эти «чтения» содержат в себе именно аллегорическое (иносказательное) высказывание в Священном Писании, характеризующее те или иные качества, свойственные данному «лику» святых.

И именно этот принцип в истории богослужбных «чтений» Священного Писания был наиболее изменчив, так как различные составители «лекционарных систем» по разному видели и определяли зависимость «перикоп» и качественных характеристик тех или иных святых людей (либо групп).

Таковы 3 принципа, выделенные в данной работе, как главные критерии, формировавшие «лекционарии» в этот и последующие периоды.

Что касается количества библейских чтений, то как минимум их было два: одно из «Евангелия» и одно из «Апостола». А далее, по мере значимости святого или праздника, могли добавляться еще дополнительные чтения из «Апостола» и из Ветхого Завета (в основном из «Пророков», но нередко и из других Книг). Количество их может достигать до 5 (как на праздник Преображения), либо быть еще больше¹.

Во всех рукописях Армянского «лекционария» каждый раз перед Евангелием более мелким почерком, чем «перикопа», написано слово «Аллилуиа», затем слово «псалом», и указывается номер псалма. После номера псалма написаны несколько слов первого стиха. Судя по обозначению, а также принимая во внимание мотивы выбора псалма, исполнялся псалом скорее всего целиком. А к каждому стиху псалма припевом служило: «Аллилуиа»².

Но в Грузинском «лекционарии» появляются изменения. В нем пишется слово «Аллилуиа», указывается мелодийный «глас», и приводится 1 стих «аллилуиарийного» псалма. Это наводит на мысль, что к VII веку существовали отдельные сборники «аллилуиарийных» псалмов, разделенные

¹ На праздник Рождества Христова полагается 12 библейских чтений на утрени и 4 на литургии

² Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977. – с. 59-60

на 8 гласов, куда, по всей вероятности, могли входить и «прокимны», но достоверно о существовании таких «сборников» ничего не известно.

Так же в Грузинском «канонаре» иногда после Евангелия указаны несколько первых слов с «гласом» (тропаря) «На умовение рук» и для «Святых даров». Вероятно, это «прототипы» так называемых «причастнов» или что-либо подобное.

Итак, кратко рассмотрев и сравнив структуру двух Иерусалимских «лекционных систем» V и VII в., можно сделать предварительные выводы относительно значения «лекционариев» как для библейской текстологии, так и для исторической литургики.

Относительно библейской текстологии, многие западные ученые-протестанты долгое время относились к «лекционариям» с большим пренебрежением. «Один из крупнейших исследователей греческого Новозаветного текста проф. фон-Зоден считал необходимым даже совершенно отказаться от использования лекционариев в качестве свидетельств при реконструкции текста. Только русская православная богословская наука настойчиво отмечала высокую ценность и важность этих памятников»¹.

Православная богословская наука отмечала ценность «лекционариев» по нескольким причинам. Прежде всего, так как это были книги, употреблявшиеся за богослужением, то значит, текст этих книг был освящен авторитетом и литургическим Преданием самой Церкви. И в отличие от «кодексов», предназначенных для домашнего или вне-богослужебного чтения, «лекционарии» записывались наиболее тщательно, и источником своим имели те книги, бережно хранимые Церковью, которые восходили своей точностью к писаниям, оставленным самими апостолами. «Поскольку воспроизведение текста Священного Писания в официальных литургических книгах всегда консервативно и имеет тенденцию к архаизации, лекционарии

¹ Иванов А. Текстуальные памятники Священных Новозаветных писаний // Богословские Труды. Сб. 1. – М.: Изд. Московской патриархии, 1960. – с. 64

ценны тем, что в них сохраняется тип текста, который намного древнее тех рукописей, в которых он представлен» - замечает Брюс М. Мецгер¹.

Если же в разных рукописях «лекционариев» и встречаются расхождения, то касаются они не существенного изменения смысла текста, а направлены, как правило, на более лучшее восприятие и понимание слов Священного Писания. Хотя, безусловно, встречаются и ошибки переписчиков, допускаемые либо из-за слитности текста, либо по невнимательности и поспешности писца. Однако, по сравнению с вне-богослужебными рукописями Священного Писания, текстовых ошибок в «лекционариях» значительно меньшее количество.

С другой стороны, богослужебный текст «лекционариев», существовавший параллельно с текстом «Четвероевангелий», лег в основу славянского перевода Библии святыми Кириллом и Мефодием. Этот перевод до сих пор является авторитетным основополагающим текстом Священного Писания Русской Православной Церкви, который с некоторыми изменениями печатается и употребляется до сих пор в богослужении, с официальным наименованием «церковно-славянского».

Что касается литургической значимости «лекционариев», то их специально-богослужебное употребление вполне свидетельствует о необходимости признания литургического достоинства этих рукописей. Они легли в основание «богослужебного устава» как схематического строя, и зафиксировали главные изменяемые части литургии.

«Лекционарии» ценны тем, что вводят понятие «канона» в схему богослужебного последования, однако в то же время они не придают этому «канону» статуса неизменности, так как для разных дней и праздников «канон» может состоять из различных частей.

Разнообразие их говорит о том, что «лекционарные системы» не ограничивают варианты возможных «канонов», а лишь указывают наиболее значимые и лучшие распределения «перикоп» для тех или иных случаев. Но

¹ Мецгер Б. Текстология Нового Завета. – М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 1996. – с. 29

само появление «лекционариев», как письменное фиксирование богослужбных «чтений», уже указывает на постепенную унификацию и стабилизацию «литургического канона» Священного Писания на «литургии оглашенных», подобно тому, как ранее это случилось с «анафорой» на «литургии верных».

Все известные «лекционарии» разделяются на разные типы и обозначаются латинской буквой (ℓ). Наиболее характерные типы: «полный» (ℓe) и «краткий» (ℓesk). Отличительной особенностью «лекционариев» типа ℓe (полных) является наличие седмичных чтений (пн. – пт.) в период Пятидесятницы (при наличии, естественно, субботне-воскресного круга чтений) и «комплекторных частей», то есть седмичных чтений для периода от Пятидесятницы до подготовительных недель Великого Поста. «Лекционарии» типа ℓesk не содержат «комплекторных частей», и к этому типу, следовательно, относится рассмотренный выше «лекционарий» Грузинской версии.

В византийской традиции также встречаются «субботне-воскресный» (ℓsk) «лекционарий», содержащий в «синаксарии» только субботние и воскресные чтения, «воскресный» (ℓk) «лекционарий», содержащий в «синаксарии» только воскресные чтения, и «праздничный» (ℓsel) «лекционарий», содержащий чтения только на главные праздники¹ (примером служит Армянский лекционарий).

Последние три типа «лекционариев» более древние, так как имеют еще более простую и несмешанную систему «чтений». «Полные лекционарии» появляются позднее, и их возникновение связано еще с одним историко-литургическим фактором, который следует рассмотреть в данном историческом периоде.

¹ Пентковский А.М. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. – С-Пб., 1998. – с. 4

Фактор этот – возникновение монашеских «уставов», которые в VI-VII вв. стали постепенно оказывать влияние на богослужение «приходское», и заниматься составлением собственных «лекционных систем».

О некоторых особенностях «монашеского» богослужения уже писалось ранее, в частности, отмечались примеры чтения Священного Писания, которое уже в V в. стало приобретать характер ежедневного употребления. В VI-VII вв. Священное Писание уже безоговорочно читается каждый день, и если в приходской практике оно преимущественно входит в состав литургии (за некоторыми исключениями), то в монашеском богослужении чтение Священного Писания усваивается «вечерне» и «утрене», совершаемым каждый день (так как в этот период литургия не была еще ежедневной).

Несколько примеров (довольно скудных за рассматриваемый нами период) можно привести.

Прежде всего, это «Устав» прп. Венедикта Нурсийского, одного из основоположников Западного монашества, который, однако же, основу своего «устава» взял на Востоке (у Василия и Пахомия Великих).

Описывая структуру всенощных «бдений», прп. Венедикт предписывает петь сначала ряд псалмов с антифонами, по окончании которых авва изрекает благословение. «После сего все садятся на скамейках, и братия попеременно читают по книге на аналое три чтения, между которыми поются три респонсория (стихиры с канонархом поемые): два респонсория бывают без «Славы», после же третьего чтения, кто поет – говорит: «Слава». Как только начинает ее петь певец, тотчас все встают со своих седалищ в честь и поклонение Пресвятой Троице.

Книги на бдениях читаются как Ветхого, так и Нового Завета; читаются также и толкования их, сделанные знаменитейшими отцами православными и вселенскими учителями.

После этих трех чтений с их респонсориями следуют прочие шесть псалмов, с «Аллилуиа» поемые. Затем бывает чтение из Апостола, - стих и

литийное моление, то есть «Господи помилуй»; и этим оканчиваются ночные бдения» (Устав прп. Бенедикта, гл. 9)¹.

Таков порядок «чтений» Священного Писания на седмичных «бдениях». Причем, как видно, проповедь уже заменяется чтением толкований «знаменитейших отцов» и «вселенских учителей».

Но на воскресном «бдении» прп. Венедикт указывает несколько иной порядок чтения Священного Писания: «На этих бдениях пение совершается протяжнее, и по окончании, как прежде положено, шести псалмов и стиха, когда все сядут по порядку и чинно в своих седалищах, бывает четыре чтения в «Кодексе» с их респонсориями. При чем только на четвертом респонсории поющим проговаривается «Слава», в начале которой все с благоговением встают. После этих чтений следуют по порядку прочие шесть псалмов в антифонах и стих. Затем опять читаются другие четыре чтения с их респонсориями, по указанному выше порядку. После них поются три песни из «Пророков», какие укажет авва; поются они с «аллилуиа». Когда после сего проговорен будет стих и аввою дано будет благословение, совершаются другие четыре чтения из Нового Завета в том же, как и выше, порядке.

После четвертого респонсория авва начинает гимн: «Тебе Бога хвалим». По пропетии его, авва читает чтение из Евангелия, – во время которого все стоят со страхом и благоговеинством. По окончании сего чтения, все говорят: «аминь»; а авва произносит гимн: «Тебе подобает хвала». Затем по благословении, начинают Утреню» (Устав прп. Бенедикта, гл. 11)².

Из сравнения «устава» седмичных и воскресных «бдений» в монастырях «бенедиктинцев» VI века можно сделать вывод, что торжественность богослужения (воскресный день) выражается (так же, как и в «Иерусалимском канонаре») большим количеством «чтений» («перикоп») из Священного Писания.

¹ Древние иноческие уставы, собранные свт. Феофаном Затворником. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – с. 610

² Там же, с. 611-612

Причем, прп. Венедикт ничего не говорит о том, какие Библейские Книги следует читать; однако он отмечает, что каждая «перикопа» имеет свой «респонсорий», который называет «стихирой», певшейся с канонархом. А это все говорит о том, что в монастыре прп. Венедикта использовался «лекционарий» («Кодекс»), более полный и несколько отличный от тех, которые были нами рассмотрены. Хотя нельзя и исключать также произвольный выбор «перикоп» во время составления этого «Устава», так как, например, в дни памятей святых, прп. Венедикт прямо говорит, что «псалмы, антифоны и чтения должны быть избираемы такие, которые подходили бы ко дню» (Устав прп. Бенедикта, гл. 14)¹.

В любом случае, этот, и подобные этому, «Уставы», послужили причиной ежедневного употребления Священного Писания за богослужением, что нашло свое письменное отражение в «лекционариях» типа *le*, «систему» одного из которых впоследствии восприняла Русская Православная Церковь.

Но не только на Западе в монастырях ежедневно читалось Священное Писание. У Никона Черногорца сохранился рассказ о посещении палестинскими иноками Иоанном Мосхом и Софронием, будущим патриархом Иерусалимским, синайского аввы Нила (ок. 606 г.). Вот как описывают они всенощное «бдение» в одной из синайских обителей:

«После вечерни начали мы правила бдения; и после того, как прочли 50 псалмов и «Отче наш», начал говорить старец «Господи помилуй» 50 раз, и после того, как мы сели, прочел один из учеников его Соборное послание Иакова. И восстав, снова начали петь вторую статью пятидесяти псалмов. И по совершении 50 псалма, севши, дал другому брату, и прочитал тот в той же книге первое Соборное послание апостола Петра. И восстав, начали петь третью статью пятидесяти псалмов, и совершили 150 псалмов. И произнесли «Отче наш» и «Господи помилуй», и сели, и дал мне старец книгу, и

¹ Древние иноческие уставы, собранные свт. Феофаном Затворником. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – с. 613

прочитал я Соборное послание Иоанново. И восстав, начали также тихо петь песни Моисеевы...» (Пандекты, сл. 29)¹.

Как видно, общая структура описанных «бдений» (и западных, и восточных) одна: псалмопение, между которым совершалось чтение Священного Писания, разница лишь в количестве псалмов и в особенности чтения Библейских Книг. Восходит эта структура, по всей вероятности, еще к 17 правилу Лаодикийского Собора, которое гласит: «Не должно в церковных собраниях псалмы совокупляти непрерывно един к другому, но чрез промежуток по псалме быти чтению»².

Что касается богослужения «утрени», то структура чтений на нем, вероятно, была схожа с ночными «бдениями». «В промежутках между псалмами (на утрени) полагались чтения: они выбирались из Ветхого и Нового Завета, к ним присоединялись толкования на Священное Писание, поучения и сказания о святых. Определить с точностью их положение в составе утрени едва ли возможно по недостатку положительных данных и благодаря разным обычаям, которые держались на этот счет в разных местах»³.

Единственное свидетельство – тот же «Устав» прп. Венедикта, который предписывает на вседневной «утрени» читать одну «перикопу» из «Апостола», а на воскресной – из «Апокалипсиса»⁴. Примечательно также, что прп. Венедикт указывает читать по одной «перикопе» на всех «часах», «вечерне» и даже «повечерии».

В завершение темы можно привести еще одно свидетельство, касающееся другой обители – знаменитой Лавры прп. Саввы Освященного в Палестине. В «Завещании» самого прп. Саввы, составленном в 532 г., содержится правило такого характера:

¹ Никон Черногорец. Книга. – М.: 1-е единовѣрч. Изд., 1889. – л. 208

² Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – с. 134

³ Мансветов И. Церковный устав: его образование и судьба в греческой и русской Церкви. – М.: Тип. Э.Лиснера и Ю.Романа, 1885. – с. 29

⁴ Древние иноческие уставы, собранные свт. Феофаном Затворником. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – с. 612-613

«Не иметь права ни Иверийцам, ни Сирийцам, ни Франкам совершать полную литургию в их церквах, но собирающимся в них позволительно петь часы и изобразительны, читать же Апостол и Евангелие на их природном языке, и после этого собираться в великую церковь, и приобщаться со всею братией Божественных и Пречистых и Животворящих Таин»¹.

Это свидетельство говорит о совершении так называемых «изобразительных», то есть последования «литургии оглашенных» с чтением «Апостола» и «Евангелия», но без совершения «Евхаристии», которого не знает «Устав» прп. Бенедикта. Именно этот чин, в «Завещании прп. Саввы» еще не отделимый окончательно от «литургии верных», в скором времени приобретет самостоятельное значение и будет ежедневно совершаться в монастырях Палестины вместо «литургии».

Подводя итоги данного периода, следует отметить еще одно важное обстоятельство, которое повлияло на богослужение данного периода. Это широкое составление гимнографии (так называемых «кондаков», «тропарей» и «стихир»), которое также связано и с «тайной» практикой чтения богослужебных молитв, так как было направлено отчасти на заполнение литургических «пробелов», появившихся вследствие «сокрытия» молитвословий. Но подробное рассмотрение этой темы не входит в задачи данной работы.

Стоит лишь указать, что «центром» гимнографического богослужебного творчества являлся Константинополь, в соборах которого формировался новый тип «приходского» богослужения, в котором пение приобретало огромную роль, в отличие от чтения «Псалтири» и других Библейских Книг.

Как отмечает протопресвитер А. Шмеман, именно в этот период «пение приобретает самостоятельное значение, выделяется в особый, отличный от всех других, элемент богослужения... Пение становится выражением и

¹ Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1. – К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкаго, 1895. – с. 222-223

признаком торжественности, праздничности (количество стихир и т.д.) и как таковое противопоставляется чтению. И, во-вторых, оно получает свой особый материал, который постепенно приобретает центральное место в богослужении»¹.

В этом, как кажется, состоит главное отличие богослужения «приходского» типа от «монастырского» в доиконоборческий период, хотя в последующее время ситуация очень крайне изменится, когда сами монахи начнут составлять песнопения.

В следующий период «Устав Великой Церкви» (Св. Софии в Константинополе) и Иерусалимский (монастыря св. Саввы Освященного) тесно соприкоснутся, и их «синтез» в конце концов будет иметь у себя Русская Православная Церковь в качестве «своего» «Типикона», который и «регулирует» схему богослужения нашей Церкви до сих пор.

Таким образом, период Вселенских Соборов явился окончательным литургическим становлением не только всей богослужебно-практической стороны Церковной жизни, но главных принципов и форм богослужебного чтения Священного Писания, усвоенных Церковью Константинопольской, а позже и Церковью Русской, где до сих пор в несколько измененном (по большей мере в частности) виде сохраняется и продолжает совершаться.

¹ Шмеман А., протопр. Введение в литургическое богословие. – К.: Пролог, 2003. – с. 220-221

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данной работы, следует выделить основные выводы по поставленной во введении цели.

Что касается литургического употребления Священного Писания Нового Завета, то этот фактор, как было показано в процессе написания работы, являлся, наряду с вероучительной непогрешимостью, главным для включения той или иной книги Священного Писания в «канонический» сборник. Эти два критерия взаимодополняли и проверяли друг друга, вследствие чего, в конце концов, выделили из всей группы писаний, часть которых имела непогрешительный авторитет либо богослужбное употребление, лишь те самоценные, которые и хранит до сих пор Церковь в качестве Священного Писания Нового Завета.

Далее, процесс этот не прекратился, но стал еще более развиваться и оформляться. Церковное творчество не завершилось составлением «канона» Нового Завета, но обратилось к составлению «литургического канона» Священных Книг. И это развитие и оформление растянулось на достаточно долгий период.

В формировании «литургического канона» Священного Писания Церковью можно выделить несколько основных этапов: произвольное чтение Книг, деление их на смысловые отрывки для более удобного чтения, выделение некоторых отрывков для специального употребления, распределение и закрепление всех отрывков за определенными временными богослужбными чинопоследованиями.

Все эти этапы подробно рассматриваются в данной работе.

Рассматривается также и принцип «каноничности» самой «лекционной» системы, насколько она соответствует тому положению в церковной богослужбной жизни, какое призвана занимать и отвечать тем задачам и требованиям, поставленным перед ней церковным обществом.

Поставленная проблематика рассматриваемой темы выдвигает ряд вопросов, затронутых в данной работе лишь бегло и частично, которые требуют отдельного и более тщательного исследования. Они касаются характера богослужения в иерусалимском Храме; богослужения иудейской синагоги; богослужения апостольского времени и последующих периодов вплоть до иконоборческой эпохи и после нее; условий формирования монастырского богослужения; определения новозаветного канона в святоотеческий период и после; развития гомилетики; происхождения новозаветного «лекционария» и нескольких его разновидностей; причин изъятия из литургии Апокалипсиса и писаний апостольских мужей.

Все эти вопросы затронуты в работе, однако не раскрыты надлежащим образом, так как цель работы хотя и пересекается с предметом исторической литургики, но преследует другие задачи, а именно показывает формирование «литургического канона» Священного Писания в истории Церкви на основании основных фактографических свидетельств и позиций главных представителей православной литургической науки, более полный разбор которых может составить отдельный труд более высокой научной квалификации.

К тому же предмет «литургической истории» имеет очень много спорных вопросов, которые разными исследователями по разному освещаются и представляются. А потому разбор этих вопросов, гипотез и мнений так же не входил в задачи автора работы, который опирался преимущественно на позиции и мнения таких ведущих «литургистов» XIX - XXI вв., как Ф.Смирнов, М.Скабалланович, Н.Успенский, А.Пентковский, М.Арранц.

Наконец, самая главная мысль, которая пронизывает все содержание данной работы – это живое и осознанное отношение к совершаемому в Православной Церкви богослужению, которое не является старинным «экспонатом» церковного «музея», и не предназначается для «эстетического» удовольствия знатоков оперного пения или архитектурного ансамбля, но

существует в Церкви как ее животворящая сила, как ее «Тело и Кровь», без которых церковное существование невозможно и бессмысленно! А потому подход к богослужению только как к священной «букве», сформированной для освящения присутствующих, унижает не только «дух» богослужения, но и обесмысливает святость церковного «собрания», благодаря которому только и существует «общее дело» реализации Царствия Божия на земле...

«Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3.4-6)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Августин, еп. Иппонийский. Творения. Ч.6. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1887
2. Амвросий, еп. Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. – Казань: Центральная Тип., 1908
3. Афанасий Великий. Творения. Ч.3. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903
4. Василий Великий. Творения. Ч.4. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901
5. Древние иноческие уставы, собранные свт. Феофаном Затворником. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994
6. Евсевий Памфил, еп. Церковная история. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. – 604 с.
7. Иероним Стридонский. Творения. Ч.1. – К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1893
8. Иероним Стридонский. Творения. Ч.4. – К.: Тип. аренд. Е.Т.Керер, 1880
9. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 5. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1879
10. Иоанн Златоуст. Творения. Т.1. – С-Пб.: Изд. С-Петербургской Духовной Академии, 1898
11. Иоанн Златоуст. Творения. Т.2 – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1899
12. Иоанн Златоуст. Творения. Т.6. – С-Пб.: Изд. С-Петербургской Духовной Академии, 1900
13. Иоанн Златоуст. Творения. Т.8. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902
14. Иоанн Златоуст. Творения. Т.9. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1903
15. Иоанн Златоуст. Творения. Т.10. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1904
16. Иоанн Златоуст. Творения. Т.11. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905
17. Иоанн Златоуст. Творения. Т.12. – С-Пб.: Изд. Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906
18. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993
19. Иринеи, еп. Лионский. Сочинения. – С-Пб.: Гостиный двор, № 45, 1900 – 560 с.

20. Исидор Пелусиот. Творения. Ч.1. – М.: Тип. В.Готье, 1859
21. Иустин, философ и мученик. Творения. – М.: Паломник, 1995
22. Каноны или Книга Правил. – Монреаль: Братство прп. Иова Почаевского, 1974. – 367 с.
23. Киприан, еп. Карфагенский. Творения. – М.: Паломник, 1999
24. Кирилл Иерусалимский. Творения. – С-Пб.: Изд. П.П. Сойкина, б.д.
25. Никон Черногорец. Книга. – М.: 1-е единоверч. Изд., 1889
26. Писания мужей Апостольских. – С-Пб., 1895
27. Писания святых отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т.1. – С-Пб.: Тип. Королева и комп., 1855
28. Помяловский И.В. Паломничество по святым местам кон. IV в. – С-Пб.: Тип. В.Киршбаума, 1889
29. Постановления Апостольские. – Казань: Губернская Тип., 1864
30. Собрание древних литургий, восточных и западных. Вып. 1. – М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1997
31. Созомен Саламинский. Церковная история. – С-Пб.: Тип. Фишера, 1851
32. Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996
33. Тертуллиан. Творения. Ч.1. – С-Пб: Тип. Фишера, 1847
34. Учение Двенадцати Апостолов. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1885
35. Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. – М.: РОССПЭН, 1993

Литература:

36. Алексеев А.А. Текстология Славянской Библии. – С-Пб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 254 с.
37. Арранц М. Как молились Богу древние византийцы. – Л.: ЛДА, 1979
38. Арранц М.; Рубан Ю. История Византийского Типикона («Око Церковное»). Ч.1. Предвизантийская эпоха. – С-Пб.: Журнал «Нева», 2003
39. Василик В.В., диак. Происхождение канона как литургического жанра: Курсовая работа. – С-Пб.: СПбДА, 2006. – 368 с.
40. Дмитриевский А. Евхологион IV века Сарациона, епископа Тмуитского. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1894

41. Дмитриевский А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1. – К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895
42. Жуковская А.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М.: Наука, 1976
43. Жураковский А.Е., священник. Литургический канон теперь и прежде: (К вопросу о церковной реформе). – М.: Братство во имя новомучеников и исповедников российских, 2005. – 63 с.
44. Иванов А., прот. Общее Введение в Ветхий Завет. Краткий конспект лекций. – ЛДА, 1974
45. Кекелидзе С., прот. Иерусалимский канонарь VII века. – Тифлис: Скоропечат. С.М.Лосаберидзе, 1912
46. Красносельцев Н. Богослужение Иерусалимской Церкви в конце IV в. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1888
47. Мансветов И. Церковный устав: его образование и судьба в греческой и русской Церкви. – М.: Тип. Э.Лиснера и Ю.Романа, 1885
48. Мецгер Б.М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2001. – 331 с.
49. Мецгер Б. Текстология Нового Завета. – М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 1996. – 325 с.
50. Петровский А. Апостольские литургии Восточной Церкви. – С-Пб.: Печатня С.П.Яковлева, 1897
51. Порфирий (Успенский), архим. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. – С-Пб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1856
52. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. – М.: Паломник, 1997
53. Скабалланович М. Толковый Типикон. – М.: Сретенский монастырь, 2004. – 815 с.
54. Смирнов Н. Краткий очерк истории христианского богослужения до VII Вселенского Собора. – Пенза: Губернская Тип., 1873. – 86 с.
55. Смирнов Ф. Богослужение христианское со времени Апостолов до IV в. – Киев: Тип. С.Т.Еремеева, 1876
56. Сорокин А., прот. Христос и Церковь в Новом Завете. Введение в Священное Писание Нового Завета. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2006. – 646 с.
57. Успенский Н.Д. Византийская Литургия. Анафора. – М.: «ФИЛОМАТИС», 2003. – 347 с.
58. Федоров В. Иерусалимский месяцеслов по лекционарам V в.: Курсовое сочинение. – Ленинград: ЛДА, 1977
59. Хук С. Мифология Ближнего Востока. – М.: Наука, 1991

60. Шмеман А., протопр. Введение в литургическое богословие. – К.: Пролог, 2003. – 317 с.
61. Шуази Л. Апостольское Предание. – К.: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1880

Публицистика:

62. Голубцов А.П. О причинах и времени замены гласного чтения литургийных молитв тайными // Богословский вестник, 1905
63. Елеонский Н., прот. Краткий очерк истории подлинного ветхозаветного текста // ЧОЛДП, №8, 1874
64. Иванов А. Текстуальные памятники Священных Новозаветных писаний // Богословские Труды. Сб. 1. – М.: Изд. Московской патриархии, 1960
65. Князев А., прот. О боговдохновенности Священного Писания // Альфа и Омега, № 1 (19), 1999
66. Пентковский А. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Журнал Московской Патриархии № 4, 2001
67. Пентковский А.М. Лекционные и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. – С-Пб., 1998
68. Православный церковный календарь, 2008. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007
69. Смирнов Ф. Апокалипсис, как литургический памятник апостольской эпохи // Труды Киевской Духовной Академии, октябрь 1874. – К.: Тип. С.Т.Еремеева, 1874
70. Смирнов Ф. Богослужение апостольского времени // Труды КДА, т.1, 1873. – К.: Тип. Губернского Управления, 1873
71. Флоренский П., свящ. Культ, религия и культура // Богословские труды, № 17, 1997

Справочная литература:

72. Православная энциклопедия. Т. 2. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001
73. [Электронный ресурс]: Просветитель. Электронная библиотека православной информации в формате MS-Word
74. [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Серия «Русские Энциклопедии». Platinum DVD-Soft

Иностранная литература:

75. Brightman, Liturgies Eastern and Western. Oxford, 1896
76. Hans-Joachim Schuls. Die bisantinische liturgie vom werden ihres symbolgestl. Lambertus-Verlag, Freiburg-im-Breisgau, 1964

77. *Litterae slavicae medii aevi: sonderdruck.* – München, Verlag Otto Sagner, 1985
78. Mommsen'a. *Corpus juris civilis.* III, 1896
79. *Prolegomena to the Study of the Lectionary Text of the Gospels* / Ed. by E. C. Colwell and D. W. Riddle. Chicago, 1933
80. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. *Ανάλεκτα ιεροσολυμιτικής σταχουλογίας*, IV, 1897